

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СТРАЖ

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ
АУТОДАФЕ

Страж

Алексей Пехов

Аутодафе

«Автор»

«Автор»

2011

Пехов А. Ю.

Аутодафе / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор», 2011 — (Страж)

ISBN 978-5-9922-0835-1

Стучит молот загадочного кузнеца, создавая из пламени кинжалы. В землях княжеств, среди гор, заброшенных деревень, Темнолесья и на морском берегу беснуются темные души. Весь мир замер в ожидании аутодафе – оглашения приговора, который изменит привычный порядок вещей. На пустынной дороге вьется пыль, принося кровавые жертвы, и людям необходима помощь Братства стражей. Кто-то из них должен разгадать тайну и отправиться в путь, полный новых опасностей и приключений.

ISBN 978-5-9922-0835-1

© Пехов А. Ю., 2011

© Автор, 2011

© Автор, 2011

Содержание

История первая	5
История вторая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Алексей Пехов

Аутодафе

История первая Темнолесье

Я совсем не помню своих родителей. Как они выглядели? Какие у них были голоса? Как они смеялись? О чем мечтали? Мне остается только гадать.

Единственное воспоминание из раннего детства, когда я еще не попал в приют и тем более в Братство, – это колыбельная, которую пела мне мать перед сном. Свеча из оплывшего воска мягко мерцает на столе, накрытом белой кружевной скатертью, и в комнате приятно пахнет сливочным печеньем. Огонек фитиля отражается в маленьком окошке, за которым все белым-бело от снега, в очаге гудит пламя, в комнате тепло, и я проваливаюсь в полудрему, слушая песню.

С тех пор прошло чертовски много лет, но мне часто снится то время, и я всегда просыпаюсь, не дослушав колыбельную до конца. И долго-долго лежу, глядя в потолок очередной комнаты, очередной таверны или же на низко склонившиеся надо мной ветви кленовых рощ и звездное небо, потому что память не ведает милосердия, и у меня не осталось ничего, кроме песни, которой я не знаю, и голоса, который я не слышу.

Как-то я рассказал эту историю Проповеднику, но он лишь пожал плечами да буркнул, что нет ничего удивительного в моей забывчивости. Все забывают свое детство.

Мне есть что возразить. Я помню. Мою комнату и запах печенья. Зиму за окном, свечу и испуганное лицо соседки, бледное, перекошенное, когда на следующий день в Арденау появились первые заболевшие юстирским потом. И трупы на улицах, заметенные снегом, разгорающийся бунт, висельников и стрельбу. Не помню лишь слов колыбельной и того, как умерла моя мать.

Какой-то исповедник, еще в те времена, когда я считал исповедь достаточно важной, чтобы часто бывать на ней, сказал, что произошедшее со мной – божье испытание и награду за него я получу в раю, услышав пение ангелов, которые и споют мне колыбельную. У священников один разговор – в другой жизни будет лучше, а здесь терпи, парень, и не забудь заплатить за исповедь.

Вот только когда я умирал, там, на мартовской грязной дороге, болтаясь на плече Пугала и поливая кровью подтаявший рыхлый снег, никаких песен я не услышал. Не было вообще ничего. Ни слов, ни арфы, ни ароматов полевых цветов и фруктовых деревьев, ни смрада серы и воя истязаемых грешников. Я завис где-то между адом и раем, застрял во мраке забвения, где не вспомнил даже себя, не говоря уже о колыбельной из далекого детства.

Я спал коротким и потому бесконечно сладким сном. В него хотелось зарыться, словно в теплый лебяжий пух, и спать, спать, спать, не думая больше ни о чем. Не живя, не умирая и вообще не существуя, проявить слабость, которую я не позволял себе уже очень давно, уступив управлять моей судьбою тому, для кого это было действительно важно.

Я сдался, наплевал на себя и на тех, кому я был дорог. И за меня все решил кто-то другой...

Была глубокая ночь – то время, когда до рассвета остается вечность и нет никакой надежды увидеть солнечные лучи. Я лежал на спине, чувствуя удивительную, теплую, немного шершавую землю. Она то и дело мерно и глубоко вздыхала подо мной, перед глазами – близко-

близко – проплывали крупные звезды. Они были похожи на чьи-то сердца, яркие, мерно пульсирующие, но совершенно холодные и равнодушные.

Безучастные.

Я смотрел и смотрел на них, пока не начали слезиться глаза, пока руку не обожгло острой, кинжальной болью и в груди не вспыхнуло пламя, мгновенно переросшее в бушующий огненный ураган. Он превратил мои внутренности в уголья, а кровь в жидкий огонь, льющийся по сосудам. Звезды закружились, становясь размытыми линиями. Что-то зашипело рядом, моей руки коснулась холодная змеиная кожа, я дернулся, попытался встать, но веревка, которой меня связали, не давала пошевелиться. Звезды замедлились, стали прежними, морозными, а шипение змеи стихло.

Надо мной склонилась женщина, положила ледяную ладонь мне на лоб, внимательно посмотрела в глаза и ободряюще улыбнулась:

– Все хорошо.

– Я не умер? – через силу задал я самый глупый из всех возможных вопросов.

– Не совсем. Спи, Людвиг. Еще не время просыпаться, ты слишком слаб, – шепнула мне сереброглазая. – Доверься Файрварду, он скоро принесет нас домой, и ты поправишься.

– Огонь... Внутри, – шепнул я ей.

– Спи. Все хорошо.

Ее тонкие пальцы легли мне на виски, серебристые глаза отделились, и пульсирующие сердца звезд погасли.

– Святые угодники! Вся эта чертовщина меня чертовски пугает, и я не понимаю, какого черта здесь торчу! – Проповедник сидел на краю бассейна с кислейшей из всех своих мин, наблюдая за тем, как над водой парят лесные огоньки.

– Ты нервничаешь из-за отсутствия Пугала, – укорил я его, морщась от ноющей боли в боку.

– Еще бы я не нервничал, Людвиг! В последний раз, когда я его видел, оно было с ног до головы облито твоей кровью и с безумным огнем в глазах. Ты ведь знаешь, что с кровью связано много разной темной магии, и вот так просто игнорировать то, что Пугало попробовало ее на вкус, очень даже глупо.

– Как видишь, оно не воспользовалось ситуацией и не прирезало меня.

– Толку тебя было резать? – буркнул он. – И без его серпа в тебе полно дырок, как ты еще жив, ума не приложу. Скажи спасибо, что мы тебя вовремя нашли.

– Спасибо, – покладисто произнес я, сидя по плечи в теплой, пахнущей хвоей воде целебного бассейна. – И перестань, пожалуйста, нервничать.

– А как иначе? Сейчас конец апреля, нашли мы тебя в марте, и почти месяц от Пугала никаких вестей. Как только прибыла помощь, оно сделало мне ручкой вот так и убралось, наплевав на все мои просьбы.

– Ничего удивительного. Я бы тоже убрался при виде черного дракона.

Проповедник не дал себя сбить с темы:

– Теперь оно рыскает где-то на материке, а мы с тобой застряли в Темнолесье.

– Тебя, в отличие от меня, ничто здесь не держит, – напомнил я ему. – Можешь сгонять на Большую землю и поискать нашего друга.

Он с сомнением провел по окровавленной щеке:

– Бросить тебя на дьявольском острове, где нечисти больше, чем на любом из шабашей христианского мира? Неплохая идея. Только ради чего мне это делать? Пугало все равно меня не слушает. Разговаривать считает ниже своего достоинства, так что притащить его сюда на веревке не получится.

– Оно само придет, как только ему надоест торчать на ржаном поле. Я вылил на него столько крови, что оно теперь будет сыто и благодушно по меньшей мере несколько месяцев. Так что расслабься.

– Я не могу расслабиться, когда тут каждое дерево и каждое существо несет в себе дьявольское семя. Как ты заметил, они не слишком-то похожи на добрых христиан.

– Добрые христиане есть только в раю и в проповедях приходских священников. В последнее время я начинаю считать, что в нашем мире добрых людей вовсе не существует. Все это миф, дружище Проповедник.

– Тебя в плену у маркграфа по голове случайно не били? – участливо спросила душа. – Не пори чужь. Добрые люди встречаются. Если не веришь, глянь как-нибудь в зеркало.

Я рассмеялся:

– Оставь свою иронию при себе, старый пеликан.

– Я тебя прощаю, потому что ты в любой момент можешь отправиться к праотцам.

– Как ты меня обнадежил. – Я был слишком ироничен для обсуждения столь серьезной темы, как мое здоровье.

– Всегда пожалуйста, – в тон мне ответил Проповедник. – Я буду подле тебя, молясь Ему, чтобы Он не прибрал тебя в свои райские кущи. А Пугало пока пускай развлекается и режет служак Ордена Праведности в свое удовольствие. Того ублюдка, прости господи меня за столь нелестные для него слова, что сдал тебя в руки людям маркграфа, оно напластало на мелкие ломтики.

– Я уже давно заметил, что у Пугала пунктик по поводу ребят из Ордена, – ответил я. – Даже боюсь предположить, чем они ему так насолили.

– Чтобы довести его до ручки, много ума не надо. Ладно... пойду к океану. Выздоровливай.

Холодный стальной океан, грохот волн, отливы и приливы приводили его в детский восторг, и он торчал на берегу целыми днями. Мой собеседник ушел, оставив меня в одиночестве сидеть в бассейне с теплой ярко-синей водой, пахнущей лесом.

Огни, плавающие над ней, превратились из желтых в светло-зеленые, поугасли, и без того темная ночь стала еще темнее, а звезды над головой – ярче.

Я ощутил движение за своей спиной и повернул голову к угольно-черным древесным силуэтам, чувствуя, как в ушах начинает стучать кровь. Внутри сосудов вспыхнул огонь, начал плавить плоть, и я тут же с головой погрузился в воду, чтобы хоть как-то погасить жар.

Когда я вынырнул, огромная серебристая змея выползала из леса – на мгновение она задержалась, встретившись со мной взглядом, а затем легко и изящно нырнула в бассейн. Рептилия была гигантской, и чешуйчатое тело все еще продолжало вытекать из-за деревьев и медленно соскальзывать в воду, хотя хищная, треугольная голова уже появилась на поверхности совсем недалеко от меня. Она потянулась к моему лицу, стрельнула раздвоенным языком, зашипела и, распахнув пасть, впиалась мне в плечо.

При желании такое чудовище могло бы оторвать мою руку одним рывком. Да что там говорить, оно без труда раздробило бы кости даже быку, не говоря уже о человеке, но в данном случае я не был для нее добычей.

Яд, более похожий на расплавленный металл, проник в мою и без того зараженную кровь, заставляя ее вспыхнуть пуще прежнего, а смерч, живущий у меня в груди, получив свободу, ринулся метаться из стороны в сторону, с каждым мгновением вырастая и рискуя сжечь меня живьем.

Я застонал от боли, пошатнулся и ушел бы на дно, если бы мощное, мускулистое тело не оказалось под руками. Я ухватился за змею, повис над ней, хватая ртом воздух, и она обвилась вокруг меня кольцами, нежно и осторожно поддерживая.

Когда приступ закончился, я сказал:

– Все в порядке.

София убрала руки, перестав прижиматься ко мне, испытующе заглянула в глаза:

– Точно?

– Точно. – Мне пришлось постараться, чтобы голос звучал уверенно. – Я в норме. Спасибо.

Женщина отступила на шаг, готовая подхватить меня в любое мгновение, а я оперся на бортик, ожидая, когда яд рассосется в мышцах.

– Все не так хорошо, как я думала, – вздохнула она. – В следующий раз постараюсь быть с тобой осторожнее. Надо снизить порции... лекарства.

Я хмыкнул, покачал головой:

– Не стоит, иначе я засижусь в гостях до второго пришествия. У меня слишком много обязанностей на Большой земле.

Это прозвучало гораздо грубее, чем я рассчитывал.

– Извини, Софи. Твои зубы... они, конечно, помогают, но вряд ли кому-нибудь нравится, когда его кусают.

Она мелодично рассмеялась, и лесные огни подлетели, засияли, закружились над нашими головами.

– Никто не любит лечиться, Людвиг.

По ее обнаженной коже стекали капельки воды, и я старался смотреть только на лицо пророчицы. Она улыбнулась, читая мои мысли, отжала мокрые, лучистые волосы.

– Сколько еще это продлится? – негромко спросил я у нее.

– Знаю, что это неприятно и больно, но, как я уже сказала, все гораздо хуже, чем я считала. Еще недели две... Я так думаю.

Я чертыхнулся про себя. Приехали. Значит, вырваться отсюда я смогу лишь в середине мая.

– Не скажу, что я страдаю от твоего общества, особенно когда ты не лечишь меня, – осторожно ответил я ей и поймал легкую улыбку. – Но так долго сидеть на одном месте... Я страж, и меня ждет работа.

– Работа подождет, Людвиг...

– Но, Софи...

– Слушай меня! – Она впервые на моей памяти повысила голос. – Братство как-нибудь справится без тебя. Справлялось же оно целую тысячу лет и теперь обойдется. Тебе придется задержаться у меня в гостях, пока я, и только я не решу, что ты можешь уйти. В противном случае ты пропрыгаешь месяц, если повезет – два, а затем сдохнешь где-нибудь в дороге. И уж тогда точно можешь забыть и о работе, и о Братстве. Ты понимаешь меня, Синеглазый?

Я вздохнул и покладисто кивнул:

– Да, Софи. Я понимаю.

– Хорошо, – тут же смягчилась она. – Мы должны вычистить твою кровь. Мой яд рано или поздно уничтожит яд окулла, ту тень, что въелась в твою душу, когда тебя ранили. Как только ты будешь готов, клянусь, ты сразу же об этом узнаешь.

– Договорились. Я постоянно забываю, что рана серьезная. Не привык болеть.

– Я помню, что стражи не болеют, но тебя зацепил окулл. Обычные повреждения лесная вода затягивает за несколько часов. Это же до сих пор выглядит так, словно шрамы вот-вот лопнут, и ты истечешь кровью.

В лесу громко и тревожно заухал филин.

– Мне пора, – тут же сказала София, услышав зов. – Увидимся завтра, Людвиг.

– Счастливо.

– Я слышала, что Зивий с тобой наглеет. Если тебе надоест, можешь дать ему подзатыльник, я возражать не буду.

Зивий вчера подлил мне в напиток какой-то дряни, так что я плевался целый час, а эта сволочь хохотала и показывала на меня пальцем с безопасного расстояния.

– Так и поступлю, спасибо.

Она развернулась, проплыла вдоль бассейна, оперлась руками на бортик, подтянулась, легко выбравшись на прохладный лесной воздух, нисколько не стесняясь того, что обнажена, подняла лежащую в траве тунику.

– Подойди, пожалуйста, к Гуэрво, он искал тебя.

– Конечно.

Софи дружелюбно улыбнулась мне на прощание и мягкой поступью удалилась во мрак ночного леса.

Минуту я смотрел ей вслед, а затем произнес в пространство:

– Думаешь, она не знает, что ты за ней подглядываешь, старый извращенец?

Проповедник недовольно ругнулся из кустов и на этот раз убрался окончательно.

Рука после укуса болела, хотя ранки уже затянулись. Вывести яд окулла, попавший в меня с ее когтей, было очень непросто. Возможно, с этим хорошо бы справились святые мощи, но найти подобную вещь в Темнолесье – все равно что обнаружить в городской ратуше дракона.

Однако здесь, в глухих лесах, на западной оконечности мира, на отраву нашлась более сильная отравка, за что мне лишь остается благодарить магию Софии. Мое лечение продвигалось довольно успешно, раз я так быстро встал на ноги.

Думая об этом, я неспешно оделся, ежась от прохладного ночного ветерка. Почти все лесные огни улетели, и лишь один из них, оказывая мне любезность, продолжал освещать местность.

Я застегнул пояс с кинжалом и отправился домой по лесной дорожке, выложенной по краям перламутровыми ракушками. Огонек полетел следом за мною. Я был благодарен ему за такую заботливость, так как путешествие во мраке таило в себе возможные неприятности. Грубо говоря, могло возникнуть непонимание между мной и местным населением. Однажды такое уже случилось, в темноте меня приняли за еду, и парочка ругару едва не растащила меня на бифштексы. Как оказалось, ночью эти оборотни ни черта не видят.

Так что теперь по окрестностям я старался ходить с сопровождением. Ночью это был огонек, а днем за мной таскался Зивий, который «служил» у Гуэрво не то бездельником, не то нахлебником. То есть практически ничего не делал, спал под крышей и жрал в три горла, пререкаясь по любому поводу. Я бы на месте Гуэрво вышвырнул этого нахала в окно, но хозяин дубовой рощи был куда терпеливее меня.

Пару дней назад я сказал Зивию, когда тот ныл, будто мясо недосолено, что он слишком капризничает и чувствует себя чрезмерно вольготно. Окажись он в наших землях и столкнулся нос к носу с клириками, те бы сперва облили его святой водой, а затем потащили на костер или же отдали в руки монахов из Ордена Святого Каликвия.

– Значит, мне повезло, страж, – ответил тот, ковыряясь руками в своей тарелке. – Мясо дрянь, но, если ты не хочешь, твою порцию я тоже съем.

Здесь, на огромном острове, не уступающем размерами Фирвальдену или Бробергеру, старина Зивий мог чувствовать себя в безопасности. Темнолесье – единственное место в нашем мире, где не действует магия клириков. Даже если сюда приплывет Папа вместе со своей святостью или все Христовы апостолы – у них не получится выжать из себя даже малейшего заклинания. Священники, попадая сюда, ничем не отличаются от обычных людей, что им, разумеется, не нравится.

Церковь несколько раз пыталась завоевать Темнолесье, но этим грандиозным планам не дано было осуществиться. Святому Престолу крепко дали по зубам, настолько крепко, что больше сюда уже не лезли ни ради религии, ни ради завоевания новых земель. У колдунов,

ведьм и иных существ мрачных лесов имелось неоспоримое преимущество – магия, которой не было у чужаков.

Клирикам пришлось объявить территории проклятыми и под страхом отлучения запретить жителям просвещенного мира приближаться к этой земле. И Темнолесье осталось предоставлено само себе почти на восемь сотен лет, являясь последним оплотом для древней магии. Первобытной, мощной, сильной, той, которой пользуются истинные ведьмы и которую не одобряют святые книги. Последний источник силы, последние знания, последние иные существа, ранее населявшие весь континент и жившие бок о бок с людьми. Станных созданий здесь было намного больше, чем в Кайзервальде и во всех дремучих уголках множества стран.

Правда, следует заметить, что кроме иных существ на восточном берегу великих лесов есть несколько людских городков, где живут бежавшие сюда от преследований инквизиции за колдовство, хранение запрещенной литературы, вскрытие трупов с целью изучения анатомии, поддержку теорий древних языческих философов или вивисекцию лягушек по рекомендациям хагжитских научных фолиантов. Тут стоит сказать, что не всех принимают с распростертыми объятиями и многих беглецов, несмотря на их просьбы, отправляют назад.

Я спрашивал у Софии, кто и по каким критериям решает, кому остаться, а кому уйти, она мягко улыбнулась, ответив:

– Само Темнолесье, Людвиг. Его сердце. Мы лишь слушаем его и выполняем приказ. Не нам решать, кто имеет право жить здесь.

– А насчет меня? Тоже Темнолесье решило?

Пророчица вздохнула и сказала:

– Будем считать, что ты здесь по моему личному приглашению. Мне понравилось, как ты танцевал на балу в Ночь Ведьм.

Было видно, что она не желает продолжать эту тему, и я перестал тревожить ее вопросами.

– Броброй ночи. Скобро бубрет бродь, – глухо прогудела огромная старая жаба в кружевной шляпе и розовой манишке. Во время прогулок по лесу я встречал эту забавную старушечку уже несколько раз, так что можно сказать, что мы с ней хорошие знакомые.

– Благодарю вас за предупреждение.

Она важно кивнула, выстрелила языком и, поймав огромного ночного жука, отправила его в пасть.

От дорожки в темноту леса убегало множество троп, но я, наученный местными обычаями, не собирался шляться там, где это не стоит делать человеку. Покровительство Софии распространяется на меня лишь на ее землях, совсем небольшой лесной территории, примыкающей к океану. В других местах какой-нибудь лесной троглодит мог быть не в курсе того, что я чей-то гость, и вполне способен живьем содрать с меня кожу.

Людей здесь, возможно, терпели, но не любили.

На дорогу из леса выбралось нечто непонятное, на четырех лапах-веточках, со свалывшейся кошачьей шерстью. Его красные глазки уставились на меня, затем на волшебный огонек. Существо шумно рыгнуло, одной из лап залезло себе в слюнявую пасть, поковырялось, разочарованно вздохнуло и скрылось за деревьями, волоча за хвост лису с раздробленной головой, оставляющей за собой кровавый след.

Возле развилки, под старой сосной, собрались физы. Тощие парни с моховыми бородами, в которых брусники было больше, чем блох на уличной собаке, обсуждали завтрашний сбор шишек. Один, завидев меня, вежливо коснулся шляпы, сделанной из гриба-трутовика, и я кивнул ему в ответ, хотя виделись мы впервые. Остальная компания была слишком занята мерянием бород, чтобы отвлекаться на прохожего.

По дорожке, тянущейся параллельно звонкому ручью, я дошел до узкой лесной речушки с быстрым течением, где на берегах ивы склонили ветви над темной водой. По утрам на

деревьях частенько качались ливьены, легконогие девушки с медовыми волосами и акульими зубами. Они прыгали в омуты, где жили злобные топлуны, дразнили их острыми палочками, вынуждая играть в догонялки. Пару раз девицы пытались втянуть меня в их рискованную игру, но я, разумеется, отказался. Чтобы соревноваться с речными жителями в плавании, надо как минимум отрастить плавники и уметь дышать под водой.

Сейчас ветви ив были пусты, и их шевелил лишь ветер да течение. Между молодых листочков сновали огненные искры – миниатюрные духи пламени, обитающие в очаге Гуэрво и вечно расползающиеся по роцам, как только наступала темнота.

Несколько десятков этой мелочи ринулось ко мне, весело мигая и пытаясь оттолкнуть с дороги лесной огонек.

– Старая жаба сказала, что скоро будет дождь. Смотрите не погасните, – предупредил я их.

В дряхлой развалившейся лачуге, пристроенной к мертвой иве, жила какая-то пакость, и я старался ее не беспокоить, иначе она начинала выть и ругаться на весь лес. Характер у жильца был прескверный, иначе бы он никогда не натыкал черепов на плетень и не обтянул человеческой кожей ставни и дверь.

Даже огонек, словно чувствуя мои желания, притушил свет, и я прокрался мимо огорода, где кроме одурманивающей сознание травы зрели свежие людские головы, беззвучно распаивающие рты и страшно вращающие незрячими глазами. Когда Проповедник впервые увидел это зрелище, ему разом поплохело, и он уполз к океану на целых три дня.

Едва я вошел в дубовую рощу, меня окликнули.

– Людвиг! – донесся с ближайшего дерева надтреснутый старческий голос.

Я задрал голову к густой листве:

– Что?

– Не хочу идти к океану. Принеси мне янтарь.

– Ты бы спустилась.

– Нет. Мне очень нужно. Принеси. Никто не хочет помочь. Не желает меня слушать.

– Если найду, принесу, – пообещал я.

Старуха Агатан безобидна, живет особняком, на дереве, наверное, в огромном дупле, и старается никому не показываться на глаза. У нее не все дома.

Дубовая роща принадлежит Гуэрво. София рассказывала, что он когда-то сам посадил здесь множество желудей, принесенных из другой части леса, которые затем превратились в величественные деревья. Его дом, красивый особняк с остроконечной крышей, был виден только тем, кому это позволялось, так же как и грот с хрустальным водопадом, где жила София.

На крыльце, завернувшись в медвежью шкуру, дрых Зивий. Его рот был приоткрыт, и от этого лицо, и без того безобразное, стало еще более отталкивающим, чем обычно. Когда я проходил мимо, он всхрапнул, приоткрыл красный глаз, нечетко выговорил ругательство и перевернулся на другой бок, с головой укрывшись шкурой.

Гуэрво принадлежал к народу виенго, тому самому, о котором любили складывать пословицы вроде «Будешь лгать, и виенго снимут с тебя кожу» или «Украдешь, и виенго намотают твои кишки на дерево». Фразы появились не на пустом месте, этот народ всегда был жесток и кровожаден. Хотя о хозяине рощи и дома я так сказать не мог. Друга Софии я знал лишь с хорошей стороны: он был гостеприимен, улыбчив, спокоен и выдержан.

Гуэрво восседал перед камином на большом пне, заменявшем кресло, и внимательно читал библию. Он оторвал взгляд от страницы, просиял, сверкнув ровными зубами:

– Людвиг, доброй ночи. Извини, что попросил зайти тебя так поздно. Надеюсь, я не доставил тебе большого беспокойства?

У приятеля Софии порой обостренное чувство вежливости.

– Все в порядке.

До нашего знакомства мы виделись лишь единожды, мельком, на балу ведьм в замке Кобнэк, куда он прилетал вместе с пророчицей. Не запомнить его было невозможно, потому что не каждый день встретишь человека с оленьими рогами на голове. Говорят, рога виенго обладают удивительными целебными свойствами, вот только добыть их не так-то просто. Скажем так, гораздо проще залезть в берлогу к голодному медведю, чем устроить охоту на кого-нибудь из этого народа. Обычно выходит так, что охотник и жертва меняются ролями, и головы добытчиков рогов оказываются в жилище виенго.

У Гуэрво, кстати говоря, подобных трофеев было предостаточно – вся стена в холле украшена человеческими черепами. Несколько жутковатая картина, особенно если учесть всю остальную обстановку – уютную, комфортную и домашнюю. Проповедник сказал, что, будь тут Пугало, оно, вне всякого сомнения, оценило бы подобную игру контрастов.

– Как ты смотришь на небольшую прогулку перед сном, аэрго¹?

– Прямо сейчас? – удивился я.

– Если ты не против. – Его губы улыбались, хотя изумрудные глаза с золотистыми лучиками оставались серьезными.

– Хорошо. Давай прогуляемся.

– Вот и славно!

Он положил в библию закладку, встал, сразу же оказавшись выше меня на голову. Его болотного цвета комбинезон, сотканный из мхов и лишайников, перестал мерцать, потемнел и, растекшись, превратился в плащ, а сияющие серебром оленьи рога потускнели и затем совсем погасли.

– Здесь недалеко. Думаю, тебе будет любопытно увидеть подобное зрелище.

– Звучит интригующе.

Гуэрво взял огромный лук из золотистого дерева, казалось сплошь состоящий из изгибов, отростков и шипов, напряг мощные руки, натянул тетиву и перебросил через плечо колчан, где покоились длинные стрелы с пестрым оперением.

– Пойдем, пожалуйста, – негромко сказал он.

Зивий снова проснулся, проводил нас злым взглядом, буркнув:

– Поперлись на ночь глядя. Лучше бы спали! Никто не против, если я переберусь в дом?

– Не смей занимать кровати. Можешь лечь у камина, – сказал оленерогий. – А ты останься.

Последние слова предназначались лесному огоньку, который до сих пор сопровождал меня.

Как только мы вышли из рощи, сразу за деревом Агатан, которая опять стала просить принести ей янтарь, Гуэрво сошел с тропы, и мрак леса поглотил его. Я поспешил следом.

Ходил мой спутник удивительно мягко и неслышно, точно призрак. Его большие рога нисколько не мешали продвигаться по лесу, не задевали низких ветвей и не создавали шума. Он, словно благородный олень, излучал природную мощь и стремительность. Но шагал сейчас небыстро, так, чтобы я не отставал, то и дело останавливаясь и вежливо дожидаясь, когда я окажусь рядом.

Мои глаза через какое-то время привыкли к мраку, стали различать тени, силуэты и детали ночного леса. Мы пробирались через рощи, заросшие густым папоротником, чьи листочки мерцали голубоватыми бликами, через поляны, где ноги утопали в мягком, благоухающем брусничной мхе, мимо вековых деревьев, чьи стволы снизу заросли бородатым лишайником, над которым кружили мотыльки с огненно-желтыми крыльями и мерцающие искры светляков.

¹ Аэрго (виенго) – друг.

Кое-где в темноте бледно-зеленым могильным огнем полыхали старые пни, в ветвях то и дело сверкали красные точки глаз местного народца, один раз над нашими головами бесшумно пронеслась крылатая тень с непомерно большой головой на длинной шее.

Ночной лес был наполнен звуками – шумом ветра в ветвях, тоскливыми криками ночных птиц, щелканьем, уханьем, отдаленным заунывным хохотом, напоминающим плач гиены. То и дело что-то шуршало в подлеске, корябало коготками, пробегая по коре, хихикало в ветвях, тяжело вздыхало в кустарнике, с треском ломилось через валежник.

Какие-то легконогие тени, похожие на маленьких антилоп, испуганные нашим появлением, бросились прочь, недовольно повизгивая. Нечто вроде огромной лимонно-желтой сороконожки с сияющими лапками и усиками, извиваясь, проползло по древесному стволу, и я подумал, что будет, если эта отвратительная гадина упадет кому-нибудь за шиворот.

Однажды к Гуэрво обратился низкий замогильный голос, прозвучавший из-под корней могучего дуба на непонятном мне языке. Виенго ответил одной резкой фразой и на мой вопрос пояснил, когда мы уже прошли это место:

– У меня спросили, не могу ли я поделиться с ним тобою, аэрго.

– Не понимаю.

– Тебя сочли моей едой. Хотели немного мяса. Не люблю попрошаек и лентяев. Еды вокруг полно, но ему лень вылезти из логова, чтобы поохотиться. В ночное время о еде думают многие.

Словно подтверждая его слова, из мрака выступила высокая, долговязая фигура и угрожающе зарычала, но увидела оленьи рога, тоненько пискнула «простите» и смылась, прежде чем я успел испугаться.

– Серьезная у тебя репутация, – сказал я и почувствовал, как он улыбается:

– Это старый знакомый. У него плохое зрение, так что он порой ошибается в выборе. Мы прошли половину пути. Когда вернемся домой, угощу тебя светлячковым вином.

– Заманчиво, – сказал я. – Надеюсь, его делают не из светлячков?

Гуэрво негромко рассмеялся:

– Нет.

Чем дальше мы шли, тем сильнее пахло солью и морем. Эти запахи смешивались с ароматом хвои, листвы, мха, влажного леса, грибов и горьких ягод. Затем я услышал отдаленный рокот, который в конце концов начал заглушать все другие звуки.

Мы вышли из леса на открытое место, где дул резкий, ледяной ветер и слышался шум прибоя. Я понял, что стою на возвышении, гранитных скалах, и, чтобы спуститься вниз, к берегу, придется постараться.

– Нам к океану? – спросил я, гадая, как слезть по отвесной скале.

– Нет, – улыбнулся Гуэрво, показав на узкую расщелину возле кустов боярышника. – Нам сюда.

Расщелина оказалась сквозной пещерой, в которой идти пришлось буквально на ощупь.

– Пожалуйста, смотри под ноги, аэрго, – попросил мой спутник.

Мы вошли в ущелье с невысокими стенами, тянувшееся вдоль океанского берега. На дне тек ручей, а скалы, по мере того как мы продвигались вперед, вырастали в размерах, но не могли заглушить шума волн. Виенго прыгал с камня на камень ловко и легко, а я уже порядком устал, и рана на боку начинала болеть. Друг Софии заметил это и дал мне несколько минут на отдых. Ущелье расширилось настолько, что превратилось в котловину, заросшую по внешнему краю густыми елями. На дальнем конце она заканчивалась огромным, бесформенным холмом угольно-черного цвета.

Низкое, глухое, угрожающее рычание, от которого задрожала земля, заставило мои волосы встать дыбом, а руку схватиться за кинжал.

Холм внезапно ожил, зашевелился, со змеиной грацией повернулся, скребя камнем о камень, и из мрака на длинной лебединой шее вынырнула огромная башка со злыми лиловыми глазами и узкой зубастой пастью.

– Спокойно, Файрвард, – дружелюбно произнес Гуэрво. – Это мы.

Огромное существо, наверное с половину рыночной площади Арденау, было черным, лоснящимся и больше всего напоминало морского угря, только с острым гребнем, тянущимся по хребту. Крыльев, в отличие от сказочных драконов, у него не было, хотя это нисколько не мешало ему летать.

Файрвард тяжело вздохнул, подавив гнев, с подозрением зыркнул на меня и неохотно отодвинулся, открывая дорогу.

– Спасибо, что принес меня в Темнолесье, – сказал я ему. – София говорила, если бы не твоя помощь, я бы умер.

Дракон прищурился и раздраженно выпустил из ноздрей малиновые искры, пропищав тонким голосом целую фразу.

– Он говорит, что ты можешь отплатить за этот долг, – перевел Гуэрво.

– Каким образом?

– Иди, пожалуйста, за мной, аэрго. Смотри. Вон там. Только, пожалуйста, не приближайся. Файрвард начинает нервничать.

– Глазам своим не верю, – завороченно прошептал я.

– Ты уж поверь, пожалуйста.

В двадцати шагах от меня, среди сложенных кольцом камней, лежало шесть крупных, примерно с человека, драконьих яиц. Внутри них, казалось, горело неугасимое пламя, и его пульсация была видна даже сквозь гладкую янтарную чешую.

– Они прекрасны, – сказал я.

– Но драконов из них не появляется. Кладка погибает, когда до вылупления остается несколько часов.

Дракон протрубил что-то на незнакомом мне языке, да так громко, что у меня зазвенело в ушах. Гуэрво успокаивающе поднял руку и ответил чудовищу на том же наречии, затем пояснил для меня:

– Это случится через несколько дней. Нечто уничтожает яйца, выпивает огонь их жизни, оставляя лишь пустую скорлупу. Поначалу мы думали, что это магия или проклятие, но так ничего и не смогли найти. Я и София подозреваем, что этим занимается темная душа.

Я был удивлен таким предположением. Темным душам плевать на драконов, волков или полевых мышей. Их интересуют только люди – главный источник жизни и ненависти.

– Теперь я понимаю, почему Файрвард согласился принести меня в Темнолесье. Сколько раз гибла кладка?

– Много.

– А стража вы зовете только сейчас.

– Вас довольно тяжело заполучить к себе в гости, аэрго.

– Все происходит в последнюю ночь? Перед появлением драконов? Не раньше и не позже?

– Верно.

– Хм. А кладка? Ее никто не пробовал перенести в другое место? Куда-нибудь в пустоши Ньюгорта или дикие земли Ровалии?

– К сожалению, это невозможно. Препятствия прошли, и драконы могут рождаться только в Темнолесье, где много магии, нужной им для жизни и роста. Ваша церковь вырубилла все священные деревья на материке, чтобы не давать колдунам и ведьмам дополнительной силы. Так что ты думаешь о нашей теории, аэрго?

– Мне надо подойти ближе и рассмотреть все внимательно.

Дракон выпустил клубы дыма и рыкнул коротко и раздраженно.

– Перевод не требуется, спасибо, – сухо сказал я. – И так понятно, что, если я трону его сокровище, от меня и мокрого места не останется.

Гуэрво виновато улыбнулся, и я в одиночестве пошел к яйцам под пристальным, подозрительным и не слишком дружелюбным вниманием Файрварда. Он мягко передвинулся, оказавшись рядом, и, обжигая дыханием, навис надо мной.

– Если ждешь помощи, то не мешай, – сказал я ему и заработал очередной злоющий взгляд. – Гуэрво, они и вправду из янтаря?

– Разве ты не слышал легенду о том, что весь янтарь, что выбрасывает море и океан, – это осколки скорлупы драконов? Раньше детей огня и тьмы было гораздо больше, чем сейчас.

– Это только легенда. – Я пытался найти признаки присутствия душ и не находил их. – А мне желательны факты. Так это янтарь?

– Да. Это настоящий янтарь, истинный, не тот, что дают деревья. А что?

Файрвард внимательно прислушивался к нашему разговору.

– Есть несколько видов душ, которых можно подманить не только кровью, но и разными материалами. Травами или минералами. Есть души, которые любят быть рядом с янтарем, но они не темные и не причиняют вреда живым существам. По правде говоря, я не вижу здесь никаких признаков темных созданий. Если они и есть, то никто из них не приходил сюда достаточно давно для того, чтобы созданная мною *фигура* их не чувствовала.

– Но она, или они, появятся. И произойдет то же, что и всегда. Нам нужна твоя помощь. Я посмотрел на оленерогого виенго, на дракона и осторожно сказал:

– Конечно, я помогу вам, но обещать ничего не могу. Слишком мало информации, и пока я даже не предполагаю, с чем здесь столкнулся.

С набежавших облаков начал накрапывать мелкий дождик, который предсказала знакомая жаба, и Гуэрво произнес:

– Нам пора уходить. Обсудим детали у меня дома.

– Я могу поставить защитную *фигуру*, если хотите. Она, быть может, остановит неизвестного, если, конечно, это душа. Но мне потребуется вытащить кинжал.

Я многозначительно посмотрел на дракона, тот вздохнул и отодвинулся на малюсенький шаг.

– Файрвард сторожит кладку, а где мать? – спросил я, создавая набросок.

– В небе. Она прилетит, когда появятся дети... Если появятся.

– Постараюсь, чтобы появились, – пообещал я им.

Светлячковое вино оказалось ярко-зеленым и тускло сияло сквозь тонкие стенки хрустального бокала. У напитка был легкий мятный привкус, и бутылка довольно быстро опустела. Я слушал рассказ Гуэрво, но чем больше узнавал, тем сильнее сомневался, что здесь дело в душе.

Дождь лил как из ведра, затопил лес, и Зивий, из любопытства высунувшийся на улицу, вымок до нитки. Когда он вернулся к камину, от него так несло мокрой шерстью, что виенго попросил нахлебника пойти и нормально вымыться, а когда тот отказался, без всяких церемоний отправил его спать на чердак.

Я тоже уже хотел спать, но решил дождаться Софии и услышать ее мнение по поводу гибели потомства дракона.

Пророчица вошла в дом неслышно, источая аромат кедровой смолы. Ее намокшая короткая серебристая туника липла к гибкому телу. Виенго подкинул дров в камин, принес теплое одеяло, усадил переодевшуюся гостью в кресло и открыл новую бутылку вина:

– Ты не меняешь своих старых привычек, ваэлго². Дождь все так же манит тебя.

– Он смывает видения, старый друг. В такие часы я могу побыть наедине с самой собой. Для меня это бесценное время. Ты показал Людвигу?

– Да.

– А рассказал, что, если драконы исчезнут, мы станем слабее?

– Нет.

Она повернулась ко мне:

– Эти существа жили в Темнолесье задолго до появления людей, и они стали частью магии моего мира. С их гибелью многие наши умения сойдут на нет, а это значит, что люди придут на наши земли. Я не желаю видеть тут клириков, которые не могли сюда попасть так долго. Они уничтожат здесь все, как уничтожили на материке. Леса Эйры – последнее прибежище таких, как мы. Я не хотела бы уходить за океан. Вот почему нам так важно, чтобы яйца остались целыми. Черных драконов в мире совсем немного.

– Я уже спрашивал у Гуэрво и спрошу у тебя. Почему не вызвали стража раньше?

– Братство отказало в нашей просьбе.

– Вот как? Магистры отказали...

– Они не желают портить отношения с Риापано. Никому из вас не нужны осложнения со священниками. Как они сказали, им хватает неприятностей с Орденом Праведности.

– Понимаю. А я здесь неофициально, что очень удобно для всех нас.

– Если честно, тебя здесь вообще нет, аэрго, – улыбнулся Гуэрво. – Скажу больше: если кто-то на Большой земле узнает, что ты побывал в Темнолесье, то от тебя так просто не отстанут. Обязательно захотят выведать, что ты видел, с кем говорил и какой бес в тебя вселился. А так никаких вопросов к тебе или к Братству. Ничто не нарушит спокойный сон и тихую жизнь стражей.

– Тихая жизнь? Это точно не про нас, – усмехнулся я. – Я помогу вам, Софи. Это самое малое, чем я могу отплатить тебе за спасение моей жизни, а Гуэрво за гостеприимство. Но у меня нет никакой уверенности, что это душа. Темные души остаются только после смерти людей, а пока я здесь живу, не видел ни одного человека. Сплошные иные существа.

– Ты заблуждаешься, если считаешь, что в лесах Эйры мало людей, аэрго. В двух часах ходьбы отсюда есть деревня виктов.

– Никогда не слышал о таком народе.

Гуэрво вздохнул и пояснил:

– Варвары с Волчьих островов. Они высадились на северном берегу около ста лет назад, когда их земли начал косить юстирский пот, привезенный торговцами из Ньюгорта. Тогда начались скитания кланов.

– Вспомнил, – сказал я. – Их корабли пару сотен лет назад причаливали к Альбаланду и Прогансу во время грабительских набегов. Деревня – это ближайшее место, где живут люди?

– Единственный поселок на западном берегу. До других поселений надо много дней идти на восток.

– Значит, мне следует сходить в деревню и проверить, есть ли там души.

– Сходить ты, конечно, можешь, аэрго, но с тебя живьем спустят кожу. Чужаков там не любят.

– Их нигде не любят. Давайте подумаем над тем, как мне туда попасть. Деревня и кладбище – это то, что требуется проверить в первую очередь.

– Они неплохо относятся к Зивию. – София, согретьшись, сбросила с себя одеяло. – Точнее, очень даже хорошо.

² Ваэлго (*viengo*) – видящая.

– Верно, – подтвердил Гуэрво. – Его сочли внешне похожим на одного из их божков плодородия и похоти, так что наш хитрец постоянно пользуется этим обстоятельством.

– Эм... Я вот хотел заметить, что быть под защитой Зивия... – Я постарался подобрать вежливые слова. – Не очень надежно.

– Зря беспокоишься. Зивий меня хорошо знает, если с тобой что-то случится, я рассержусь.

– Звучит очень обнадеживающе. Находясь на колу, я буду искренне радоваться, что ты устроишь взбучку этому гаденышу.

– Это наш единственный вариант, аэрго. Другой – Софи должна уничтожить местных, чтобы ты смог там пройти без опасения получить копьё в спину.

– Грустная альтернатива, – вздохнул я. – Значит, пусть будет Зивий, раз время не терпит. Скажите, у виктов были какие-нибудь трения с драконом?

София улыбнулась, а Гуэрво рассмеялся:

– Трения?! С драконом?! С Файрвардом не может быть никаких трений, аэрго! Ты видел его размеры?!

– Вот именно об этом я и говорю. Он им никак не насолил?

– Его не особо интересуют люди, если они не лезут в его логово, но гарантировать не могу. Я не говорил с ним на этот счет.

– Не нравится мне вся эта ситуация, – вздохнул я, с трудом борясь со сном. – Ты – пророчица, видишь будущее...

– Драконы неподвластны времени и видениям, Людвиг. Они сами время и видения. Я не знаю ничего, что связано с этим. И мое колдовство не дает ответов. Поверь, я пыталась найти преступника, но все предыдущие кладки были уничтожены, и новая под угрозой. В замке Кобнэк я многих расспрашивала, но никто ничего не смог мне ответить, даже древние ведьмы, даже профессора университетов. Вся надежда на тебя. Может, ты знаешь?

Я чувствовал ее глубокое отчаяние и боль. Свои эмоции она скрывала гораздо хуже, чем Гуэрво.

Я с сожалением покачал головой:

– Темных душ великое множество, Софи. Никогда не слышал, чтобы они нападали на дракона или его потомство. Я сделаю все, что смогу, и если это душа, то найду ее. Обещаю.

Разбудили меня достаточно мерзким способом – бесцеремонно пнув копытом в бок. Это получилось очень болезненно, и я, злой спросонья, перехватил ногу Зивия во время второго удара, рванул на себя, одновременно крутанув так, что он ахнул от неожиданности и с грохотом рухнул на пол, как следует приложившись затылком.

– Урод!

– И тебе доброе утро, – сказал я, потирая сквозь рубашку ушибленное место. – Ты нашел отличный способ будить людей. Не боишься, что кто-нибудь менее добрый, чем я, воткнет в твое толстое пузо кинжал?

– Скажи спасибо, что не кинул тебе в постель гадюку или гнездо с проклятыми шершнями. Это был всего лишь дружеский пинок, и как ты на него ответил? Ау! Теперь шишка будет. Вставай, страж. Чем быстрее я закончу с делами, тем быстрее избавлюсь от твоей компании. – Низкорослый собеседник утопал в гостиную, раздраженно почесывая у себя под мышкой.

Зивий из племени боздуханов, а этот народ частенько путают с чертями. По-моему, это случилось оттого, что какой-то художник увидел одного из боздуханов и изобразил его вместо беса на довольно известной гравюре «Черти жарят убийцу в пекле».

Старина Зивий своим внешним видом может напугать любого верующего. Большие копыта, толстые волосатые ляжки, кожаная набедренная повязка, крысиный розовый хвост,

волосатое брюхо, когтистые пальцы, уродливая голова с огромнейшим носом, круглые желтые глаза, маленькие рожки, торчащие из-под жестких волос, ну и, разумеется, дурной мерзопакостный характер. Не хватает лишь вил, которыми следует переворачивать грешника на сковородке, дабы хорошенько поджарить его со всех сторон.

– Мог бы и предупредить, что он идет, – недовольно сказал я ухмыляющемуся Проповеднику.

Тот все это время торчал в комнате и довольно скалился.

– Я бы так и сделал, если бы тебе угрожала опасность. Он всего лишь развлекался. К тому же чертово племя несколько зол на тебя. Когда Гуэрво попросил его быть твоим провожатым, а бес отказался, виенго взял его за шкирку и встряхнул, словно щенка.

– Теперь понятно, отчего у него такое дурное настроение. Будь любезен, поведай, отчего твоя физиономия столь мрачна и от тебя за лигу веет недовольством. Кто послужил причиной твоей печали?

– Ты. – Старый пеликан ткнул в меня сухим пальцем.

– Чем я мог тебе досадить, пока спал?

– Тем, что согласился спасти драконово отродье.

– Не будь его, я бы истек кровью где-то на юге Фирвальдена. Не забывай, что я здесь оказался именно благодаря его умению летать.

– «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним»³.

– Вот только чушь не мели! – Я застегнул пояс, поправил кинжал. – Тебе прекрасно известно, что драконы не имеют ничего общего с Сатаной. Дьявол сам по себе, а эти существа сами по себе. Поверь, я не попаду в ад оттого, что буду исполнять свою работу и уничтожать темные души.

– Смотри себя не уничтожь. Ты каждый вечер корчишься от боли в бассейне, в твоей крови полно яда, и еще неизвестно, как это скажется на тебе в будущем. Надо уезжать отсюда. Как ты думаешь, если мы отправимся из этого логова тьмы прямо сейчас, ты не развалишься в пути?

– Боюсь, что развалюсь. К тому же обижу Софию.

– Да плевать мне на ее обиду, – буркнул Проповедник, падая на кровать. – Обиды ведьм меня точно не интересуют. Ладно... Поступай как хочешь. В конце концов, это же твоя душа. Кстати, не проси от меня помощи, если дракон в благодарность сожрет тебя вместе с твоим чудесным кинжалом.

Я сокрушенно покачал головой и вышел из комнаты. Старикан действительно не в духе. Таким я его не видел уже года два, с тех пор как мы застряли из-за весенних паводков в дебрях Хунги, и его единственным развлечением было сидеть на крыше и наблюдать за тем, как мимо проплывают трупы, вымытые наводнением из неглубоких могил.

– С кем это ты там трепался, страж? – Зивий развалился на кресле-пне Гуэрво.

Когда виенго был дома, боздухан такого себе не позволял.

– С душой.

– Жратва на столе, скажи спасибо Гуэрво. Он просил меня отвести тебя в деревню виктов. Так что пошевеливайся. Не хочу потерять из-за тебя целый день.

– Ты мне еще тут покомандуй.

Он скривился, сцапал со стола кусок ржаного хлеба и, запихнув в пасть, начал жевать, мрачно поглядывая на то, как я приканчиваю остальную еду.

Проповедник так и не вышел. Я перекусил на скорую руку и следом за боздуханом направился к выходу.

³ Откр. 12, 9.

От дождя, шедшего всю ночь, остался густой запах весенней свежести, молодой зелени и мокрой земли. Трава на лужайке была влажной, и с листы все еще мерно падали задержавшиеся капли, хотя тяжелые дождевые облака уже давно уползли далеко в океан.

– Все мокрое, – скривился боздухан. – Шерсть опять будет целый день вонять.

– Так вымойся нормально.

– Не люблю горячую воду и мыло. От него жжет глаза.

– София сказала, что идти два часа.

– С тобой все три.

– Это еще почему?

Зивий стал загибать толстые, словно сосиски, пальцы:

– Во-первых, тащиться с тобой через Росяную пущу – все равно что идти мимо псарни и тянуть за собой окровавленный кусок мяса на веревке. В лучшем случае останется огрызок веревки. В худшем – откусят еще и руки. Но при любом раскладе, куса мяса, то есть тебя, больше не будет. Темнолесье, оно, знаешь ли, большое, и не для всех наш друг виенго является пугалом. Во-вторых, по лесу ты будешь плестись, как и любой другой человек, медленно и уныло. Я успею состариться, моя шерсть поседеет, а мои дети вырастут и заведут внуков...

– У тебя нет детей.

– Могли бы быть, если бы я не возился с тобой каждый день. Гуэрво удружил, ничего не скажешь!

– Откажись.

– Не могу. Я его должник. Он вытащил меня из слюнявой пасти одной гадины, живущей в Дальнем урочище, так что мне придется расплачиваться за его добрый поступок. С учетом того, что через лес ты будешь ползти, как слепой, мы пойдем по океанскому берегу. Так быстрее. У тебя есть что-нибудь посерьезнее этой ковырялки? – Зивий указал пальцем на кинжал.

– Нет.

– Это мы исправим.

Он скрылся в доме и вернулся, волоча за собой длинный меч прошлого века с вычурной рукоятью и широченным клинком.

– Вот.

– Откуда эта древность? – Я не смог скрыть скептицизм.

– Остался нам от одного охотника, который мечтал добыть рога Гуэрво. Но случилось так, что черепушка охотника теперь висит на стене. Второй ряд, третья слева, если не ошибаюсь.

– Ты думаешь, разумно появляться у виктов с такой оглоблей?

– Я думаю, неразумно приходить к ним без оружия. Они считают, что мужчина должен быть вооружен.

– Ну тогда поищи в закромах Гуэрво что-нибудь более подходящее для меня.

– Думаешь, у него здесь оружейный склад?! – окрылся Зивий. – Ему железо и задаром не нужно. Это я притащил меч.

– Вот и тащи его дальше сам.

– Черт с тобой, страж! Иди с кинжалом, но, когда над тобой будут смеяться и тыкать пальцем, не обижайся. И если попросят снять штаны, чтобы убедиться, что ты мужик, а не баба, изволь удовлетворить их любопытство, иначе они не будут с тобой разговаривать.

– Кому ты заливаешь, Зивий? – ухмыльнулся я. – Тебя там считают лесным богом, что проливает свое благорасположение на их землю, дабы пшеница росла. Они с радостью со мной поговорят, стоит лишь тебе об этом попросить.

– Ты меня уже утомил, а нам еще столько часов идти. – Боздухан в раздражении бросил меч на крыльцо и решительно пошел в лес, даже не проверяя, следуя ли я за ним.

Океан впал в спячку, словно великан, растративший силы в тяжелом сражении. Начался последний час отлива, и серая, все еще холодная весенняя вода отступила далеко-далеко, к торчащим из моря грибовидным скалам, обнажая пористый, едва покрытый бурыми водорослями берег.

На нем царило настоящее оживление. В оставшихся после ухода воды лужах плескалась рыба, которую руками и лапами пытались поймать выбравшиеся из леса и окрестных холмов создания. Здоровые крабы деловито щелкали клешнями и забивались в узкие щели, а какие-то ребята, похожие на енотов, но только с алыми и зелеными попугайскими перьями вместо шерсти, старались выковырять их оттуда палочками, замогильно хохоча.

Бирюзовые тщедушные люди, наполовину высунувшись из розовых и зеленых шипастых раковин, непринужденно вели друг с другом беседу и курили ароматные палочки, ожидая, когда вода вновь накатит и накроет их дома с головой. Мы прошли достаточно близко от одного из них, и он ловко спрятался в раковине, раздраженно крикнув нам что-то на своем языке.

– Ах ты, сволочь! – прорычал Зивий, явно поняв, что нам сказали, подошел к раковине и с досадой шарахнул по ней копытом, отбив приличный кусок перламутра, и, наклонившись, заорал в створки: – Только еще раз скажи мне такое! Сил не пожалею чтобы отволочь тебя подальше от воды, на обед муравьям, гнида океанская!

Раковина предусмотрительно промолчала, а ее соседи на всякий случай побросали курительные палки и тоже спрятались.

– Вот урод! – с чувством произнес Зивий, плюнул на раковину, собрал дымящиеся палочки и воткнул их горящими концами в сырой прибрежный песок.

Сочтя, что месть осуществлена, он пошел дальше в еще более дурном настроении, чем несколько минут назад.

– Тяни! Толкай! Тяни! Толкай! – Ватага лохматых тушканчиков пыталась сдвинуть с мертвой точки гладкого кожистого зверя, выброшенного океаном на берег.

Зверь стонал и охал, пытался ползти, чтобы помочь своим спасителям, но был слишком тяжел, чтобы продвинуться хоть немного.

– Эй! Вы! Помогите! – крикнул нам один из тушканов.

Я думал, что Зивий пошлет их далеко и надолго, но тот неожиданно сказал:

– Давай попробуем. Нечего толстяку подышать без воды. Эй, вы! Хватит носиться! Ваша помощь нужна! – крикнул он похожим на богомол хитрым созданием, играющим друг с другом на отмели.

Страшные чудовища, каждое величиной с лошадь, с фасеточными глазами, приблизились к нам иноходью и стали тянуть серую тушу по направлению к океану, а я с боздуханом и тушканчиками – толкать.

Попавший в беду морской зверь каждый раз громко охал и поминал Богородицу, отчего у лохматых грызунов сразу начиналась истерика, они хихикали, падали на спины и дергали розовыми лапками. Их смех был столь заразителен, что в какой-то момент я сам расхохотался, так как ситуация была нелепая до невозможности.

Я, окруженный целым роем странных существ, занимаюсь на океанском берегу каким-то безумием, пытаясь от натуги и пихая серого тюленя, явно знающего «Pater noster»⁴. Слава создателю, что меня не видит Проповедник, вот уж кто бы не удержался от пары едких словечек.

– Что ты ржешь? – рассвирепел Зивий, по роже которого стекал пот. – Уже жалею, что не повел тебя через лес.

Чтобы протолкнуть охающего «тюленя» жалких двадцать ярдов, нашей дружной артели понадобилась куча времени и еще несколько подключившихся помощников, лишь один из которых более-менее походил на человека.

⁴ «Отче наш».

– Достаточно, – наконец сказал боздухан, похлопав спасаемого по боку. – Здесь тебя уже заберет прилив.

– Спасибо, ох-ох, – сказал тот.

Мы оставили его в окружении тушканов, которые хохотали теперь уже целой командой, повизгивая на весь берег.

– И часто у вас такое веселье? – любопытствовал я, засунув руки в карманы легкой куртки.

– Каждый день. Поторапливайся, напарничек. Нам еще назад возвращаться. Так, а вот к этой не приближайся. Она ненормальная, да к тому же еще и голодная.

Лохматый, ярко-зеленый, под стать весенней листве, паучина бесцельно бродил по пляжу. Из его спины по пояс торчала дряхлая ведьма с неопрятными волосами и неоправданно длинными руками. Взгляд у нее был тяжелый и нехороший, пробирающий до костей.

Болотная ведьма пристально следила за нами до тех пор, пока мы не отошли от нее на порядочное расстояние, и после быстро поползла к далекой воде, собирая в сумку огромных ярко-алых морских звезд.

Оживленный участок пляжа закончился, и теперь мы видели лишь носящихся чаек, пронзительно и неприятно вопящих, когда между ними возникали драки за выброшенных прибоем рыб.

Идти оказалось неблизко, и через какое-то время в боку вновь появилась боль. С каждым шагом она становилась все сильнее.

– Передых, – сказал я Зивию, усаживаясь на темно-желтый, больше похожий на пыль песок и держа руку на пульсирующей ране.

– Да-а-а, страж, ты сейчас не в лучшей форме, – кисло проронил боздухан. – Тебе не душ надо ловить, а цветочки выращивать. Пожалуйста, не развались, иначе меня ждет неприятный разговор с Софией.

– Ради тебя я очень постараюсь, – отозвался я, глядя, как в кустах рыжим пятном мелькнул лисий хвост. – Удивлен, что ты знаешь такие слова, как «пожалуйста».

– Я еще и спасибо знаю, – небрежно бросил Зивий, ковыряясь в ухе. – Вот только не считаю нужным пользоваться вашими человеческими заморочками. Я вообще, знаешь ли, не слишком жалую ваше племя.

– Спасибо за откровенность.

– Пожалуйста. Как будешь готов, скажи. Пойдем дальше. Деревня во-он за теми скалами. Недалеко осталось.

Я смотрел на волны, каждая из которых была чуть больше предыдущей. Океан, совсем недавно спокойный, начинал пока еще негромко рокотать. Наступало время прилива.

Боль медленно отступала, разжимая ядовитые коготки.

Я провел рукой по прохладному песку, и мои пальцы зацепились за присыпанный песчинками камушек. Он был маленький, тепло-красный, с медовыми разводами.

– Смотри. – Я показал Зивию, но тот не проявил никакого интереса, отмахнувшись:

– Этого добра здесь хватает. Океан выбрасывает их постоянно, надо всего лишь порыться в песке.

– Ведьмы говорят, что янтарь обладает множеством волшебных свойств, – сказал я, убирая находку в карман.

– А что, у тебя есть в знакомых ведьмы? – удивился боздухан.

– Представь себе.

– Это та, которая просила за тебя у Софии, что ли?

– Все-то ты знаешь, – криво усмехнулся я.

– Люблю подслушивать, знаешь ли, – нисколько не смутился мой спутник. – Столько всего нового можно почерпнуть.

– Тогда, быть может, ты немного расскажешь мне о виктах?

Зивий шмыгнул носом:

– Дикари. Кровожадные варвары. Приперлись на нашу землю, пытались наводить свои порядки, пока им не показали, кто тут хозяин. Что с вас, людей, возьмешь? Вечно хотите быть главными, хотя только и можете, что махать мечами.

– А что викты? Смирились с правилами Темнолесья?

– Ну они же хотят выжить. Конечно, смирились. Или сделали вид, что смирились. В глубину леса не заходят, местных не трогают. Себе дороже. В основном занимаются тем, что воюют с дальними родичами на Волчьих островах.

Я встал, отряхнул штаны, показал провожатому, что мы можем идти.

– Ты частенько бываешь в деревне?

– Не так часто, как хотелось бы. Они, кажется, начали подозревать, что во мне не так много божественного, – с печалью сказал Зивий. – Меня там все еще рады видеть, но уже не закатывают праздники и не предлагают девственников.

– Там есть люди с даром? Способные видеть души?

– Если и есть, мне об этом неизвестно. Я, признаюсь честно, больше интересовался дармовой выпивкой и жрачкой. Ну еще и девками. До умалишенных мне не было никакого дела.

– А колдуны и ведьмы?

– Что ты. Передохли во время драки за берег. У виктов было несколько деревень, и они мотались в лес отрядами, вырубая волшебные деревья. Так что нашим пришлось дать им понять, что они недовольны чужаками. Тогда-то колдунам и ведьмам варваров пришел конец, а новые так и не появились. Их вождь каждый год поднимает рог с вином за рождение знающего, так они называют волшебников, но пока что-то боги не слышат его молитв.

– Бог плодородия у них вроде ты. Так что это твоя прямая обязанность обеспечить их новым поколением колдунов, – улыбнулся я.

– Иди ты к черту, страж. Думаешь, почему они перестали со мной носиться? Как раз по этой причине. Вождь считает, что это я не хочу дать им мага. Да ну их к вашему дьяволу, этих виктов. Приносят в жертву своих соплеменников, стоит тем косо посмотреть на вождя. Уже кучу народа извели. Кстати! Всегда хотел спросить у кого-нибудь из людей твоей профессии. Ваши клирики считают, что появление темных душ зависит от количества и тяжести грехов, которые люди совершили при жизни, а еще от того, как они умерли и как часто исповедовались. Они правы?

– Я смотрю, ты не гнушаешься читать богословские тексты.

– Исключительно те, что забывает на столе Гуэрво. Так каково мнение стражей?

– Почему тебя это интересует?

– Я любопытный.

– У меня нет ответа.

– Шутишь?

Я вздохнул:

– Церковь в чем-то права, это неоспоримо. Количество и тяжесть грехов, а также причина смерти и отсутствие ритуалов влияют на появление темных душ, но как это меняет их, никто не знает. Почему в одном месте появляется убавляющая плоть, а в другом при схожих обстоятельствах лакальщица – неизвестно.

– Разве ваше Братство не пыталось разобраться с этим вопросом?

– У Братства и без этого полно дел. Нас слишком мало, чтобы посвятить себя теории. Мы едва успеваем очищать мир от порождений мрака.

– Теория – основа практики.

Я посмотрел на него с сомнением:

– Готов поставить дукат, что это слова Гуэрво.

– На кой черт мне с тобой спорить, особенно когда я проиграю? Мы, кстати, уже пришли.

Издали деревня виктов особого впечатления на меня не произвела. Дыра дырой. Такая же, как на востоке Золяна или в лесах Ньюгорта. Серый высокий частокол, из-за которого виднелись крыши точно такого же цвета. Торчащая, словно перст, сторожевая вышка, где никого не было, распахнутые ворота – возле них в грязи валялись одомашненные дикие свиньи.

– Унылое местечко ты выбрал для того, чтобы стать богом, – высказал я свое мнение.

– Просто сейчас здесь никого нет. Воины ушли на баркасах к Волчьим островам сражаться и воровать женщин. А вот когда вернутся и принесут в жертву нескольких врагов, закатят пир и будут пьянствовать всю осень и часть зимы. Тогда будет повеселее. Обязательно сожгут какой-нибудь дом и на кого-нибудь натравят медведя.

– Хороший досуг, ничего не скажешь. И сколько сейчас здесь жителей?

– Ну человек восемьдесят наберется. О чем ты думаешь?

– О том, что принесенные в жертву – отличный способ завести под забором темную душу. Где приносятся жертвы?

– Да прямо напротив дома вождя.

Значит, это место следует проверить в первую очередь. К примеру, алтарь, впитавший в себя реки крови, вполне может стать одушевленным или вокруг него начнет бродить какая-нибудь пакость.

– Здесь часто умирают люди?

– Каждый год, – хохотнул Зивий. – Напьются, и кто-нибудь обязательно проломит другому черепушку молотом или пырнет ножом в живот из-за проигрыша в кости.

– Я о необъяснимых смертях.

– А они все необъяснимые! – заржал боздухан. – Викты утром просыпаются, а какой-нибудь Хвьюрд сын Бьюрда лежит с распоротой глоткой в луже крови и кислого эля, и никто не помнит, как он умер. Когда начинали пить, вроде был жив, а теперь уже летит на крылатом коне в чертоги к предкам. Никакие темные души убитых пленников здесь не орудуют, можешь быть спокоен. Им совершенно не надо напрягаться. Живые сделают за них всю работу.

Первыми нас встретили игравшие в войну чумазные мальчишки. Когда я их увидел, они занимались тем, что срезали одежду со своего приятеля, привязанного ко вкопанному в землю столбу. Ничего не скажешь – интересная игра. Надеюсь, они не собирались снимать с него еще и кожу.

Заметив нас, дети побросали игрушечные копья и луки и рванули назад, в деревню, оставив друга связанным и вопящим от ужаса.

Зивий подошел к «пленнику», придиричиво его изучил и предложил мне:

– Старая ведьма, что живет на болоте, обещала за живого мальчишку много золота. Давай оттащим его ей? Она давно не ела человечины.

Тот, как оказалось, понимал всеобщий язык, заизвивался и завыл, чем повеселил боздухана.

– Не пугай ребенка.

– Но и отвязывать мы его не будем. Нехорошо лезть в чужие игры, страж.

Людей на улице оказалось не так уж и много. В основном женщины и подростки. Их одежда была из грубой ткани, зато украшения золотые, добытые во время набегов. Волосы распущены и давно не мыты, и у всех взрослых под левым глазом красовалась татуировка в виде солнца. Они смотрели на нас, и я не сказал бы, что лица были благожелательны. С них не сходило злобное, настороженное выражение.

– Ты, главное, сохраняй спокойствие, – предупредил меня Зивий, словно нервничал я, а не он.

Жители деревни оставляли свои дела и шли за нами, прихватив топоры, ножи, мечи и копья. В итоге у нас за спиной собралась мрачная, угрожающая толпа.

– Они всегда так тебя приветствуют? – спросил я краем рта.

– Обычно нет. Но тогда со мной не было тебя. А вот и главные.

Трое воинов – могучие мужики с бычьими шеями, светлыми волосами, заплетенными в косы, густыми бородами и свирепыми, серыми глазами – шли нам навстречу, облаченные в кожу и медвежьи шкуры. У каждого на поясе висел метательный топорик, за спиной – большой круглый щит и широкий клинок. Могу сказать, что если этих ребят обрядить в приличные мундиры, выдать палаши и аркебузы, то их с руками и ногами сцапают военные вербовщики любого королевства или княжества. Такие дуболомы всегда высоко ценятся на полях сражений. За ними очень удобно прятаться от пуль и арбалетных болтов.

– Тот, что с краю, – младший сын вождя. Будь с ним повежливее.

– А где сам вождь?

– Ты чем слушаешь? Задницей? Я же сказал, что почти все мужчины отправились в набег, – прошипел он.

Сын вождя оказался самым здоровым, самым свирепым и самым уродливым из этой тройки. Судя по маленьким, быстрым глазкам и манере держаться, он был не так уж туп. Для своего роста и веса, разумеется.

– Приветствую тебя, Завусс, несущий дар жизни, – обратился он к Зивию на всеобщем, с ужасным акцентом. – Зачем привел чужую в наш дом? Ей тут не место.

– Приветствую тебя, Киорр, сын Варотта. Твои глаза подводят тебя. Это мой... друг. И он мужчина.

– Мужчина? – глумливо скривился спутник Киорра. – У него нет оружия, только смешная иголка вместо меча. С такими ходят лишь женщины. Ни один воин не опозорит свою честь и не выйдет из дома без боевого топора или копья.

Зивий многозначительно посмотрел на меня, явно говоря, какой я кретин, раз отказался всю дорогу волочь на себе тяжеленный меч, ржавеющий в кладовке Гуэрво. Лично я был не удивлен этой реакцией, потому как сталкивался с подобным отношением на самом востоке Золяна, где у местных было такое же помешательство на оружии, как и здесь.

– Мне достаточно моей смешной иголки, чтобы доказать, кто из нас больший мужчина, громила, – сказал я.

Зивия едва удар не хватил, а рожа викта разом перекосилась, и он решительно шагнул ко мне.

– Да ну, девчонка?! – грозно сказал тот, что стоял рядом с сыном вождя. – Ты слишком смела для той, кого не приглашали. Я с радостью оттакаю тебя за волосы, как делаем мы с глупыми бабами!

Он протянул ко мне лапу с растопыренными пальцами, но я ловко схватил его за указательный и средний, крутанувшись и повернув руку так, как это обычно делали наемники-кондотьеры из южных регионов Флотолийской республики. Прекрасный болевой прием, способный приручить любого свирепого медведя.

К его чести, вики не завопил и даже не застонал. Лишь скрипнул зубами и встал на цыпочки, чтобы его собственный вес не сломал ему фаланги пальцев.

– Вот видишь, – вкрадчиво сказал я, не спеша разжимать кулак. – Иногда оружие не требуется. Мы закончили обмен любезностями?

– Закончили, – сказал Киорр с довольным видом. Он был счастлив унижению приятеля. – Или сломай Бигуру пальцы, чужеземец, или отпусти.

Я отпустил, и вики, повинувшись приказу сына вождя, отошел, бормоча что-то недоброе, сунув руку под мышку.

– Что ему здесь надо, Завусс? – повернулся Киорр к боздухану.

– Он ищет злых духов.

– Ты что? Привел к нашим домам колдуна?!

– Я не колдун.

– Пусть говорит Завусс, чужак! В его словах не может быть лжи.

Я бы мог возразить, сказав, что уж кто умеет врать, так это старина Зивий, но благоразумно промолчал.

– Он не колдун, Киорр. Он страж.

Тихий шепоток пробежал среди жителей деревни. Некоторые даже были настолько любезны, что опустили оружие.

Маленькие глазки Киорра ощупали меня с головы до ног. Они выражали глубочайшее сомнение.

– Я слышал легенды, что стражи ростом как горные великаны, а силы у них на троих буйволов. И они свирепы, точно пещерные медведи, и носят черные плащи, которые делают их невидимыми. Не слишком-то ты похож на стража, чужак. Больше – на обычного человека.

– У него есть кинжал, – вмешался Зивий. – Ты ведь знаешь, что клинки кинжалов стражей выкованы из тьмы. Ну же. Покажи ему!

Я внял просьбе боздухана и показал кинжал, они впились в него взглядами, словно тот вот-вот должен был ожить и утащить их в могилу. Наконец Киорр кивнул, подтверждая, что верит моим словам, и сказал уже без всякого вызова:

– Мы слышали о таких, как ты. Вы живете далеко, на Большой земле, где моих братьев сжигают за веру в истинных богов. Зачем же ты пришел сюда, в земли заходящего в воду солнца?

– В лесу появились злые духи. Они любят пожирать людей и могут прийти к вам.

– Я попросил воина с тьмой защитить вас, – встрял Зивий.

– Не нужна нам никакая защита, – нахмурился Бигур, все еще злой на меня за то, что я едва не покалечил ему руку.

– Помочь нам – это хорошо, чужеземец. Но какова плата? Сколько женщин и золота ты у нас заберешь за свою работу?

Сказать, что я сделаю это бесплатно, было бы ошибкой. Подобные люди не верят в благотворительность и церковное «помогай ближнему». Разом насторожатся.

– Если в деревне есть темные души, ты заплатишь мне десять золотых.

– Много, – быстро сказал он.

– Твои слова не изменят цену. Моя работа стоит дорого.

– Много. Я не вижу душ, как я узнаю, что ты не врешь и не берешь деньги за воздух?

– Поверь, ты узнаешь, – пообещал я.

– Пять золотых и не более, клянусь моим мужским достоинством!

– Десять, Киорр сын Варотта. Или я уйду, и пусть призраки откусят тебе твое достоинство в первую же ночь. – Я был непреклонен, и он рассмеялся:

– Вот теперь я тебе верю, чужак. Хорошо. Заплачу. Отец доверил мне родичей. Я за них в ответе. Что нужно делать?

– Мне следует обойти деревню. Нарисовать на земле несколько... рисунков. И посмотреть на место, где вы убиваете пленников.

Бородач нахмурился, крепко подумал, затем вынес решение:

– Покажем. Но если замыслишь худое, спустим кожу, даже несмотря на то что у тебя кинжал из тьмы.

– Тогда моя душа вернется и вопьется тебе в шею. Так что не надо угрозы, Киорр сын Варотта.

– Если бы Завусс не пришел с тобой, ты бы уже визжал на колу, чужак, – проронил воин, который до этого все время молчал. – Мы не любим людей с земли, где поклоняются кресту.

– Расходитесь, – по-медвежьи рыкнул Киорр на толпу. – И принесите Завуссу подношения!

Толпа расступилась, словно все ждали этого приказа, и вперед вышла девушка, запястья и щиколотки которой были украшены множеством золотых браслетов. Она, похоже, даже умылась, отчего казалась гораздо красивее, чем остальные, и держала в руках корзинку, в которой лежал хлеб, копченое мясо и глиняная бутылка.

– Кажется, я буду занят какое-то время, страж, – плотоядно облизнулся Зивий, неожиданно переходя на альбаландский и скользя похотливыми глазками по фигуре девчонки, замотанной в грубую дерюгу. – Ты без меня справишься?

– Если мне оттяпают башку, не забудь сказать Софии, где ты был в этот момент, – ответил я ему на моем родном языке.

Он оскалится, считая, что я удачно пошутил, перекинул розовый крысиный хвост через руку и направился вкушать плоды гостеприимства виктов. Я же пошел вместе с троицей громил осматривать деревню. Двое встали с двух сторон от меня, а Бигур сердито сопел в спину, словно зубр.

Несколько раз я рисовал на земле *фигуры*, чтобы понять, есть ли здесь хоть какое-нибудь присутствие темных душ. Когда я заканчивал, один из воинов обязательно тщательно затирали рисунок голый ступней, предварительно поплевав на землю, чтобы «магия» не причинила никому вреда.

Место, где приносят жертвы, я увидел сразу. Серый плоский камень, кровь в который, казалось, впиталась навечно и смыть ее не могли ни дождь, ни снег, лежал рядом с западным выходом из деревни, ведущим к берегу. Одушевленного в алтаре пока не завелось, но при таком «уходе» за жертвенником это вопрос пары десятилетий.

– Подождите здесь, – сказал я своим конвоирам.

– С чего бы нам оставаться? – возмутился Киорр.

– Там опасно. Возможно, злые духи, – соврал я не моргнув глазом. – Но если хотите – идите. Когда они отвлекутся на вашу кровь, мне будет проще работать.

– Я не для этого плачу тебе столько золота, чтобы облегчать твою работу, страж. Клянусь громом, ты все сделаешь сам.

Я отвернулся от них, позволив себе легкую улыбку, и, на ходу извлекая кинжал, отправился к камню. Они, все еще ворча, отошли назад, расположившись на крыльце дома и внимательно следя за каждым моим действием.

Рядом с алтарем на корточках сидел старикан с орлиным носом и лохматой седой бородой. Я приветливо кивнул ему и не стал прогонять. Сразу видно, что дед упрямый. Он сплюнул на землю, потом подумал и тоже кивнул.

– Понимаешь на всеобщем? – спросил я его, рисуя вокруг алтаря *фигуру*.

– Чуть-чуть.

Я продолжил работу, и он через какое-то время с вызовом спросил про рисунок:

– Что за медвежья задница?

– Тебя это не должно беспокоить.

– Это ты так говоришь. Я сам решу, беспокоит меня или нет. Ты чужак, да еще и без меча. Как тебя в нашу деревню вообще пустили?! Молодежь нынче не та. Блохастые псы какие-то. Бабы. Во времена моей молодости чужака уже посадили бы на кол, и женщины сдирали бы с него кожу, чтобы сделать ухажерам памятные браслеты. А теперь женщины больше любят золото, а ухажеры – слабаки. Так чего они тебя пустили? Что ты им наплел?

– Я пришел с Завуссом.

– А... – разочарованно протянул старикан. – Этот похотливый бурдюк жира. По мне, так он какое-то мелкое отродье, а не бог. Но все равно... я бы тебя сюда не подпустил.

– Значит, мне вроде как повезло, что твое время прошло.

– Клянусь богами – да. Разбил бы тебе башку молотом прямо на этом булыжнике. А мозги выбросил бы чайкам.

Старый хрыч оказался сварливым болтуном, и, пока я заканчивал *фигуру*, он пообещал мне, наверное, сто тысяч вариантов смерти и, не переставая, бухтел, как хорошо было в его времена.

Наконец камень налился опаловым цветом и начал хрустально звенеть. Киорр и его дружки, забыв о страхе, подошли и усталились на невиданное зрелище. Когда алтарь стал прежним, сын вождя глумливо поинтересовался:

– Теперь скажешь мне, что я должен тебе десять золотых, потому что ты убил темную душу? Думаешь смутить меня каким-то сиянием? Я с детства вижу, как по лесу летают огни и мерцают деревья.

– Это мера предосторожности, чтобы здесь никогда не появилось то, что пожрет вас вместе с женами и детьми в одну из ночей, – ответил я ему. – Я сделал это совершенно бесплатно.

– Нет у нас в деревне никаких духов, воин с тьмой, так что перестань пользоваться магией, иначе я отрублю тебе руки.

– Тогда ты опечалишь Завусса, и он лишит вас своего благословения. К тому же души здесь есть, правда не темные.

– Да ну?

– Вот тут один старикан говорит, что ты его внук. – Я не обратил внимания на скептический тон викта.

– Ищи дурака! Мой дед утонул далеко в море десять лет назад! Его так и не нашли.

– Тупая собачья задница! – сплюнул водорослями старик, с которым мы так мило говорили возле алтаря. – Я напился и упал с лодки в одном полете стрелы от берега. Уж как-нибудь на сушу я выберусь, даже мертвым. А он небось у себя в штанах даже трезвым найти ничего не может!

Я многообещающе улыбнулся Киорру:

– С душами шутки плохи. Поэтому на их счет я никогда не лгу.

Викт засопел и с подозрением сказал:

– Если он здесь, пусть скажет, куда спрятал горшок с золотом, наследством для моего отца? Мы всей родней его искали.

– Недоумок, да простят меня боги! Такой же недоумок, как его отец и мой сын! Чтобы его хвостатая рыба с потрохами сожрала! – возопил старик, потрясая кулаком. – Хрена ему, а не золото! Он совсем мозгов лишился, раз думает, что я буду что-то говорить при его ослиных дружках! Что лыбишься, чужак?! Так ему и передай!

Я с удовольствием исполнил эту просьбу, и Киорр внезапно расхохотался:

– Кажется, предок действительно здесь! Узнаю его мерзкий язык! А ну-ка отойдите, ребята. Мне надо кое-что ему сказать...

Двое дружков, напряженно вслушивающихся в разговор, недовольно скривились, но послушаться старшего не посмели. Ушли.

– Слушай, страж, – сказал Киорр. – Припри дедулю к стенке своей иголкой. Или пусть говорит, где золото, или прикончи его. Не хочу, чтобы кто-то невидимый поносил меня в моей деревне! Если он скажет, где клад, дам тебе за услугу десять монет. Но уговор: если увидишь моего отца – молчок. Никакого золота я не брал, иначе снесу твою башку, а потом уж как-нибудь разберусь с Завуссом. Дам ему пять девок и выкачу бочку браги, тогда он закроет глаза на твою смерть, можешь мне поверить.

– Возможно, я поспешил со своими словами, – просиял дед. – Внучок не так уж и туп, быть может, из него и выйдет толк, если он догадается, как прикончить своего старшего брата. Скажи ему, что горшок спрятан в одной из двух отхожих ям за моим старым домом.

– В какой из них? – быстро спросил сын вождя, внимательно выслушав меня.

– Скажи, что я запамятовал, – расплылся в щербатой улыбке старикан.

– Ну и сучий же ты потрох, дедуля! – в сердцах сказал Киорр.

– Да и ты, внучек, весь в меня.

– Ладно. Это того стоит, – вздохнул викт. – Пойду проверю. Смотри не кради ничего в моей деревне.

– Эй! Где мои десять золотых?

– Сначала проверю, на месте ли клад. Если в ямах ничего не найду, сломаю тебе ноги.

Кажется, в традициях виктов сыпать бесконечным потоком угроз. Старик, услышав это обещание, разочарованно всплеснул руками:

– Знал бы, что тебя прикончат, – наврал.

– Добрый ты, папаша.

Он сплюнул водорослями, половина которых повисла на его включенной бороде, и поплелся прочь. Я проверил деревню, и жители были так добры, что позволили осмотреть свои дома, но поиск темных душ не дал никаких результатов, так что я пошел к берегу, туда, где теперь сидел старикан, ворча на проклятую воду, из-за которой он захлебнулся.

В некотором отдалении от берега из океана вырастала горбатая белая скала. На ее вершину взобрались трое детей и, не просидев там и минуты, прыгнули вниз, в ревущие волны.

– Давно они так развлекаются? – спросил я у викта.

Душа скривила губы.

– С тех пор, как я потонул и их увидел. Я с ними вместе играл, когда мы были детьми. Вон тому, который последним прыгнул, однажды земли в рот напихал.

Как оказалось, старикан еще в детстве был сущим придурком.

– Что с ними случилось?

– Утопли.

– А темные души здесь есть?

Он хмуро посмотрел на меня:

– Хочешь забрать их себе, чтобы увеличить свою мужскую силу?

Угу. Только об увеличении мужской силы я сейчас и думаю. Право, Проповедник многое упустил, не пойдя со мною.

– Хочу убить их.

– Если бы такие были в моей деревне, то я бы дал им под зад, чтобы они сюда не совались.

– Жители леса считают, что темная душа все-таки есть.

– Ну и спрашивай у них, а не у меня! Эти твари еще не то выдумают. О-о-о, они очень коварны и только и ждут, как бы сожрать всех людей. Сварить из них суп!

Поняв, что от него я мало чего добьюсь, я собрался уходить.

– А что делает эта душа, чужак? – бросил мне в спину старик.

– Убивает потомство дракона.

Тот в ответ злорадно заржал, показывая всему свету редкие, гнилые зубы. Я терпеливо переждал его отвратительный смех и спросил:

– Есть причина для твоей радости?

– А то! Летающая змеюка получила то, чего заслуживала! Столько воинов убила, вот и ее черед пришел лить кровавые слезы.

– Дракон кого-то убил? – тут же насторожился я.

– Ну! Когда еще мой народ только высадился на эту проклятую землю. Отряд воинов пошел в лес, чтобы срубить королевский дуб, а эта тварь их сожгла. Ни один не вернулся.

– Где это случилось?

– В лесу, – пожал плечами старик. – Уходи, чужак. Ты успел мне надоесть.

Он мне тоже порядком надоел, так что я с ним попрощался, радуясь, что путешествие в эту забытую богом деревушку привело меня хоть к чему-то.

Маленькие, сильные руки Софии держали меня над водой, чтобы я не захлебнулся. Боль жгучей лавой сжигала мое тело, яд затуманивал мозг, и в глазах все троилось, отчего лесных огней в небе было гораздо больше, чем на самом деле.

Когда мне стало чуть полегче, я почувствовал на своей щеке дыхание пророчицы. Ее горячая кожа обжигала ничуть не меньше, чем ее яд, пусть это был совсем иной огонь. Я набрал в грудь воздуха и сказал:

– Все в порядке, Софи.

– Ты даже себя не можешь обмануть, Людвиг, – суровым тоном ответила мне она и после недолгого колебания разжала руки.

Я вовремя впился пальцами в бортик бассейна и только поэтому не пошел ко дну. Пророчица не отходила от меня до тех пор, пока не уверилась, что я могу нормально соображать и двигаться.

– Я знаю, что ты хочешь как лучше, но твоё лечение просто пытка.

– Ты выдержишь, – уже гораздо мягче произнесла София. – И проживешь отпущенный тебе срок плюс то, что удалось собрать с темных душ, если, конечно, не попадешь под когти очередного темного создания.

– Я буду стараться, чтобы этого не случилось.

– Очень любезно с твоей стороны не уничтожать плод моих трудов и магии. Посиди здесь еще некоторое время, пусть вода затянет ранки. Мой яд мучителен, но он помогает тебе. К тому же теперь ты можешь не бояться никакой другой отравы.

Она уже как-то говорила мне об этом. Однако перспектива умереть от гнилого яблока⁵, налитого в вино, у меня гораздо меньше, чем подохнуть при встрече с какой-нибудь приткой душой. Впрочем, на столь полезное приобретение грех жаловаться. Оно вполне может мне пригодиться.

– Не уходи, я хотел задать пару вопросов, – сказал я, видя, что она собирается покинуть бассейн.

– Я знаю все, о чем ты хочешь спросить, – вздохнула Софи, показывая свое нежелание продолжать разговор на эту тему.

– Тебе не кажется, что мне, как больному, надо знать о моей болезни все?

– Это долгий разговор, Людвиг. Здесь неподходящее место.

– Голышом в бассейне нельзя говорить о серьезных вещах? Перестань, Софи. Тебе рано или поздно все равно придется мне рассказать, ты ведь понимаешь.

Она вздохнула, зачерпнула в ладошку воды, задумчиво вылила обратно в бассейн, и топазовые блики заиграли на ее прекрасном лице.

– Ответь мне на вопрос: что случилось со стражами, которых ранил окулл?

Я хмыкнул:

– На наше счастье, окуллы появляются крайне редко, так что информации о них не много. Были те стражи, кто их победил, и те, кто проиграл. О раненых я никогда не слышал.

– Потому что раны, нанесенные окуллом, смертельны, кровь людей слишком сильно насыщается тьмой. Ты – первый за долгие годы, кто смог выжить, но даже моих сил не хватит, даже целебные бассейны Темнолесья не сделают тебя прежним. Тень, которая попала в тебя, останется навсегда, но, на наше счастье, ее будет лишь крупница.

– Звучит не слишком обнадеживающе. Чем мне это грозит?

София вздохнула, облокотилась на бортик бассейна, положив на него обе руки:

– Мы обсуждали это с Гуэрво, он живет гораздо дольше, чем я, так что многое смог повидать за прошлые века. В основном тебя ждут неприятности и неудобства. Мы так считаем.

Она увидела, что я жду подробностей, и веско произнесла:

⁵ Гнилое яблоко – один из сильнейших ядов.

– То, что останется в тебе, иногда будет отпугивать тьму, иногда, наоборот, привлекать. Не всегда и не везде, но просто помни об этом.

Выводы из ее туманных слов я сделал быстро:

– Выходит, твари всех мастей или примут меня за своего, или же, наоборот, решат поживиться за мой счет?

– Не совсем так. Моя сила защитит тебя, но в некоторые дни, когда луна будет полна, ты станешь уязвим для глаз мрака.

Я поразмыслил над таким вариантом:

– Все равно звучит гораздо лучше, чем смерть на плече Пугала. Спасибо тебе за правду, Софи.

– Это еще не все откровения. Целебная магия церкви, а также мощи ваших святых теперь вряд ли тебе помогут после лекарств Темнолесья.

– Если кто-то узнает, что на меня не действует обычная благодать молитв, у церковников возникнут вопросы, и святой официум с меня не слезет. Мне бы не хотелось доказывать им, что во мне нет бесов. Боюсь, они просто не поверят.

– Сожалею, Людвиг. Я ничего не могу с этим сделать, – грустно сказала пророчица.

– Подведем итог. Из плюсов: мне не страшны яды. Из минусов: меня не может вылечить ни один клирик, что, возможно, приведет меня на костер, и некоторые темные твари обратят на меня внимание. Один к двум. Не слишком удачный расклад.

София одобряюще улыбнулась:

– Главное, что ты жив. Когда закончишь лечение, приходи. Обсудим то, что ты узнал в деревне.

Она покинула бассейн и, обнаженная, скрылась в лесу.

– Клянусь всеми апостолами, она опять превратится в змеюку, – сказал Проповедник из кустов. – Вот ведь бестия!

Я посмотрел на него с большой долей скептицизма:

– Скажи, пожалуйста, кого ты пытаешься обмануть? Я же вижу, что ты с нее глаз не сводишь. И прогнать тебя не могу даже я.

Он сразу же принял вид оскорбленной невинности, но, поняв, что на этот раз у него вряд ли получится обвести меня вокруг пальца, сказал:

– Никогда не видел таких привлекательных людей.

– Она не человек.

– Один черт, прости господи. Это не меняет сути. Иногда я начинаю жалеть, что стар и мертв.

– Вполне тебя понимаю.

Старый пеликан по привычке вытер кровь на щеке:

– Я слышал, о чем вы говорили. Меня беспокоит тьма, которая в тебе, пускай ее всего лишь крупинка.

Я ничего не сказал ему, выбрался из воды и начал вытираться.

– Людвиг?

– Ну?

– Что ты будешь делать, когда вернешься?

Меня его вопрос не удивил.

– До этого, старина, надо еще дожить. София не отпустит меня, пока не будет уверена, что со мной все в порядке. На материке полно дел и много темных душ. Стражу всегда найдется работа.

– А Братство?

– Будет существовать, как и прежде.

– Они и пальцем не пошевелили, чтобы тебя спасти. Я дошел до магистров, но они сказали, что разберутся с проблемой, и выставили меня за дверь.

Я помолчал, застегивая рубаху:

– Я не склонен к прощению, но в данном случае не буду ничего предпринимать. Воевать со штормом – дело бесполезное и вредное, потому что он может уничтожить, даже не заметив. Стражи своих не бросают, Проповедник. В меня это вбили еще во время учебы. Если помощь не пришла, значит, были причины.

– Думаю, Львенок бы не отказал. Или Иосиф, но их я не встретил. Только твоя ведьма и помогла...

– Перестань ее так называть, – мягко попросил я.

– Хорошо. Не буду. Сегодня. – Он ухмыльнулся. – Гертруда нашла способ спасти тебя, прислав Софию, за что честь ей и хвала.

Да. Гера помогла. И, как я подозреваю, в обход мнения остальных магистров.

– Никто из вас мне не сказал, что Файрвард убил людей.

– Никто из нас этого не знал, а он предпочел об этом не распространяться. – София вошла в комнату, держа в руках чашку с травяным отваром. – Тот конфликт был давно. Викты пытались уничтожить наши реликвии. Мы их останавливали.

– Но в итоге есть те, кто теперь желает зла дракону.

– Это не так. – Комбинезон Гуэрво блестел от утренней росы. – Я только что говорил с ним. Файрвард клянется, что не убивал тех людей.

– Тогда кто это сделал?

– Темнолесье, Людвиг. И существа, которые в нем живут.

– Это тебе. Пей. – Пророчица протянула мне чашку, и я безропотно принялся хлебать пряный, немного горький напиток, стараясь не кривиться.

– Лучше бы угостила его вином. Да и меня заодно, – сказал Зивий, сидевший на полу, возле камина.

– Сейчас кто-то получит целый кувшин лекарства, – пригрозила ему София.

– Это еще почему?! – возмутился Зивий.

– Чтобы не давал советов. Гуэрво, если это не Файрвард, то кто?

– Он сказал, что большой отряд виктов заблудился в лесах и вышел к Дымящемуся ручью.

Зивий присвистнул, а брови Софии нахмурились.

– Это осложняет дело. Нам желательно там не появляться, не говоря уже о человеке, – тихо произнесла она.

– Конечно, ты права. К тому же если Файрвард тут ни при чем, темные души ведь не будут охотиться за его потомством. Ведь так, аэрго?

– Чтобы окончательно убедиться, мне придется проверить то место, где погибли люди. Ни в чем нельзя быть уверенным.

– Людвиг, Зивий, вы не возражаете, если я поговорю с Гуэрво наедине? – София в нашу сторону даже не посмотрела.

– Пойду прогуляюсь, – сказал я, ставя пустую чашку на столик.

– А я возражаю, – надулся Зивий. – Из-под двери все равно все слышно, так что проще меня оставить здесь. Я уже не маленький.

Не знаю, чего они там в итоге решили, я уже вышел на улицу, сбежал по крыльцу и поднял воротник куртки. Несмотря на позднюю весну, из-за близости к холодному океану по утрам в лесу было довольно прохладно.

Молодая трава куталась в молочную поволоку туманной дымки, в ветвях ближайших деревьев под рассеянным солнечным светом медленно угасали лесные огоньки. Днем они впадали в спячку и начинали разгораться лишь с наступлением сумерек. Проповедника на поляне

не было, хотя он клятвенно обещал дожидаться меня здесь. В последнее время старый пеликан что-то слишком нервничает и бродит по местности, словно неугомонный призрак.

Я решил его поискать, на тот случай, если он шляется где-то неподалеку. Обошел всю дубовую рощу, но души и след простыл. В этой части леса утренний туман был особенно густым, и в нем, плавно и в то же время неуклюже, танцевали лохматые варяги. Здоровенные, непропорциональные, нелепые и в то же время трогательно-невинные. Я не хотел их пугать, но стоило им меня увидеть, и они растаяли, точно морок, недовольно шепча, что я все испортил.

– Людвиг, на пляж не ходил? – спросила меня Агата со своего дерева.

Я вздохнул и сказал:

– Ходил.

– А ты случайно... – Она прервалась, набрала воздуха и закончила: – ...не принес мне янтарь?

– Принес. – Я достал из кармана найденный на берегу камешек.

Тишина была такой долгой, что я начал думать, что больше уже не услышу слов от старухи. Но Агата заговорила, и голос ее заметно дрожал:

– Что ты за него хочешь? У меня есть сова и моя шаль. Чудесная шаль из черного руна овец Волчьих островов. А еще стеклянные шарики: один небесно-голубой, а другой кроваво-красный. Они принадлежали моим внукам.

Мне не нужны были сокровища старухи, так что я сказал:

– Я принес его тебе просто так.

– Спасибо. Ты лучше, чем все другие, кого я просила принести хотя бы кусочек солнечного камня. Спасибо. Оставь его под деревом.

Я пожал плечами, положил янтарь рядом с бугристым корнем и пошел прочь. Возле дома Гуэрво произошло лишь одно изменение – Зивий стоял на крыльце, приложив к двери ухо. Заметив меня, он оставил свое занятие и, скривившись, сказал:

– Ничего не слышно. София окружила дом чарами, чтобы я не подслушивал.

– Тебя все-таки выперли.

– Вроде того.

– Что за Дымящийся ручей?

Боздухан взял в руки свой хвост, прикусил его зубами, ловя блоху и размышляя, стоит ли посвящать меня в такие подробности, затем, не выпуская хвост из рта, пробубнил:

– Эфо мефто, где инофда пробуфдается фло.

– Как интригующе. А подробности?

Он выплюнул из пасти обслюнявленный хвост, сердито отмахнулся:

– Никогда туда не ходил. Всему лесу известно, что существа, живущие там, не любят чужаков, и только тупые люди могли там гулять. Я не думаю, что вам стоит туда идти, пусть там живет хоть сотня темных душ. Ни одна драконья кладка не стоит жизни. Даже если драконы вымрут, волшебства на мой век вполне хватит. Я-то уж точно разницы не замечу.

– Ты хорошо устроился, Зивий. Викты всегда предоставят еду и славную селянку.

Он даже не огрызнулся, лишь вздохнул:

– Я не настолько смел, чтобы отважиться лезть к Дымящемуся ручью.

– Ну да. Ты способен только дать копытом по ребрам спящему.

– Просто твое унылое чувство юмора не может оценить все изящество моей невинной шутки.

Гуэрво вышел на крыльцо с луком, на который уже была натянута тетива. София, ободряюще улыбнувшись мне, скрылась за деревьями.

– Она скоро вернется, аэрг, и мы отправимся в дорогу, если ты, конечно, не против.

– Необдуманный поступок! – возопил боздухан, тараща глаза. – Вы чокнулись! Страж же сказал, что ни в чем нельзя быть уверенным.

– Поэтому мы и едем. Дело слишком серьезное, чтобы оставлять его на волю случая.

– И София поддерживает?! Где ее разум?! Рисковать собственными жизнями ради прозрачной надежды найти душу, которая портит жизнь Файрварду! Этой ящерице-переростку!

– Ты-то чего кричишь? Не волнуйся, тебя никто с собой не берет.

– А я за вас, а не за себя волнуюсь! Помнишь, что случилось, когда туда сунулся Сиавр?! Нету больше Сиавра! А Фиал, который держал в страхе все побережье?! Приполз на двух лапах, потеряв четыре, и даже через пять лет не желает говорить о том, что там произошло! Оставили бы вы это дело, ребята! Я могу найти для вас куда более легкие способы умереть.

– С нами будет София, а она им не по зубам. Уже все решено, Зивий. Слово только за стражем.

Я пожал плечами:

– Ну раз все решено, значит, едем.

Зивий подавился воплем, стал плевать слюной, негодуя. Он продолжил попытки убедить Гуэрво не лезть дьяволу в пасть.

София вернулась, когда солнце поднялось над деревьями. Вместе с ней пришли два человекоподобных существа, красивые лица которых были покрыты черными и рыжими пятнами. У них были удивительные уши, большие, похожие на рысьи, находящиеся в постоянном движении. Между собой незнакомцы переговаривались с помощью гортанных щелчков.

– Это шапри, у вас их называют адскими лесничими. Они отправятся с нами. – София представила мне незнакомцев.

Я слышал об этих иных существах лишь то, что они отличные охотники и следопыты. Шапри вели под уздцы тварей, больше всего напоминающих морских блох. Узкие, продолговатые серо-зеленые тела, с десятков тонких, длинных, шипастых ножек, жалкий намек на неразвившиеся крылья и нечто похожее на голову с россыпью изумрудных глазок и несколькими парами разномастных усов.

Пока я разглядывал этих диковинных созданий, София сходила в дом и вернулась одетая уже не в платье, а в темно-коричневый комбинезон из мягкой, облегающей мшистой ткани, а за ее спиной, на широком ремне, висел короткий посох из трех переплетенных ветвей, на концах которых распустились ярко-розовые цветы.

– Мы готовы, – сказал Гуэрво.

– Людвиг, поедешь со мной, – кивнула мне София, запрыгивая на спину блохи.

Изгиб хитинового панциря походил на седло, на нем было удобно сидеть. Как только я устроился, какая-то липкая дрянь, появившаяся на хитине, крепко приклеила меня к животному. Я дернулся, но встать не получилось.

– Эй! Так и должно быть?

– Это для твоей безопасности, Людвиг. – София собирала лучистые волосы в пучок, чтобы они не развевались во время скачки. – Чтобы ты не выпал по пути.

– Это вроде качки на лодке во время шторма, – осклабился Зивий, крутившийся неподалеку. – Главное – язык не прикуси, страж, и не потеряй завтрак. Слушай, Гуэрво, я тут вот что подумал – вдруг вы не вернетесь, ты не будешь возражать, если я заберу твой дом себе?

– Не стоит этого делать, – мягко сказал виенго. – Это лучший способ вернуть меня с того света.

Боздухан огорченно цокнул языком, начал что-то бормотать, и в этот момент София отправила «коня» вперед. Поляна расплылась, деревья смазались, и мы понеслись сквозь Темное лесье.

Странные твари умели двигаться гораздо быстрее лошадей. Их многочисленные тонкие ножки двигались с такой скоростью, что, казалось, превратились в размытое облако. По лесу мы неслись легко и непринужденно, не запинаясь о кочки и не спотыкаясь о корни. Там, где

нельзя было пробежать, они проворно прыгали через пни, заросли, кустарник и поваленные деревья.

Болтало во время этой поездки изрядно, но не смертельно. Мы запросто перемахнули через узкую, бурную речушку, спугнув из травы ярко-оранжевых огромных птиц, которые, распахнув блестящие крылья, с воплями разлетелись в стороны, на мгновение взорвав красками окружающую действительность, словно фейерверк в ночном небе Сарона.

Могучие дубовые рощи, густые ельники, бесконечные, залитые весенним солнцем поляны, озерные территории с ярко блестящей зеленоватой водой, каменные пустоши с редким кустарником и сосновые боры сменяли друг друга с удивительной скоростью.

Мы сделали одну краткую остановку, недалеко от тоненького водопада, в два каскада падающего с базальтовой скалы. Адские лесничие, немногословные и спокойные, взяли зверей за усы и повели их купаться.

Следующий отрезок пути наши отдохнувшие «кони» неслись с прежней прытью. В какой-то момент лес изменился, и на место мрачному ельнику пришли деревья с темной листвой и налетом серо-зеленого мха, который, точно саван, покрывал бугристые стволы и ветви. Крыша из сплетенных ветвей была настолько густой, что яркий солнечный свет, проходя через преграду, рассеивался и становился тусклым. Таким тусклым, что казалось, наступил вечер. Земля скрылась под густым, мягким ковром из гниющей листвы, запах которой преследовал нас, пока мы не вырвались из мрачного полумрака на открытое поле, заросшее высокой, серой травой. Создавалось впечатление, что из нее выпили жизнь, такой бледной, высохшей и полупрозрачной она была.

Гуэрво спрыгнул со спины зверя, приказал ему лечь, взял в руки лук, глядя туда, где за деревьями высились вершины бледно-голубых острых скал. Оба шапри, не задерживаясь, поехали в ту сторону, пересекли поле и скрылись в лесу.

– Они скажут нам, если появится опасность. Постарайся не касаться воды, Людвиг.

Ручей, как видно начинающийся где-то в горах, протекал через поле. Его дно казалось кроваво-красным, а над водой поднимался пар.

– Они погибли где-то здесь. Но где? – София говорила резко, было видно, что она нервничает и ей здесь неуютно, хотя лично я не чувствовал никакой угрозы.

Для меня это была пускай странная, но не таящая опасности местность. Попади я сюда в одиночку, и ничто бы не заставило меня насторожиться.

– Скоро мы это узнаем, – сказал я, сплетая основу для *фигуры*. – Гуэрво, у тебя во фляге еще осталась вода?

– Да.

– Вылей ее, когда скажу.

Рисунок был достаточно простой, и, когда кинжал поставил финальную точку, я кивнул Гуэрво. Он взмахнул флягой, и вода сложилась в большой шарик, который, не думая падать, полетел куда-то прямо, тая и оставляя за собой в воздухе след из мелких капелек.

– Нам туда, – сказал я.

Трава сухо шелестела, когда мы касались ее, и мелкие чешуйки серых хлопьев срывались с пушистых венчиков, точно пепел. Мертвый и безжизненный.

Идти оказалось далеко, почти на противоположный конец поля, и когда я увидел то, что нас ждет, резко сказал:

– Стоп!

Гуэрво посмотрел себе под ноги, на торчащий из земли костный обломок.

– Есть две новости. Обе плохие, – поведал я своим спутникам. – Здесь есть темная душа, но она не имеет никакого отношения к дракону.

– Ты видишь ее? Почему считаешь, что это не она уничтожает кладку?

– Таких, как эта, у нас называют якорем. Она не может отойти от места смерти больше чем на пару сотен шагов и до кладки Файрварда добраться не могла.

– Возможно, есть другие...

– Возможно, Софи. Если где-то поблизости умер еще кто-то из людей. Право, мне даже совестно, что мой народ умеет причинять другим неприятности даже после смерти. Подождите здесь, вы все равно ничем не сможете мне помочь. Это следует уничтожить.

– Очень мало времени, аэрго. Помни об этом.

Я сделал несколько шагов к темной, сутулой, широкоплечей фигуре, застывшей на поле, точно мое знакомое Пугало, но затем вернулся к Софии. Она встревоженно нахмурилась.

– Скажи, у тебя пуговицы из серебра? – спросил я.

– Да. Они тебе нужны?

– Если ты не против.

– Бери.

Кинжалом я срезал с ее комбинезона две верхние. Гуэрво наблюдал за моими действиями с неизменной улыбкой и, когда я уходил, сказал Софии что-то веселое. Она в ответ шикнула на него.

По счастью, якори крайне медлительны. Этим пользуются в школе стражей, и учеников частенько вывозят на кладбища, для того чтобы новички набрались должного опыта и привыкли к своим кинжалам. Отличная практика в полевых условиях.

Якори близоруки и замечают человека, только когда подойдешь к ним едва ли не вплотную. Сперва я нарисовал фигуру недалеко от души и только после этого привлек к себе ее внимание. Она неуклюже развернулась, шагнула ко мне, заноса для удара колоссальный кулак, я отскочил, и сущность озадаченно застыла, не понимая, куда я делся.

Превратить пуговицу в *знак* и отправить в брюхо махины – пустяковый фокус. Серебро оставило в воздухе прекрасный след, так что гигант, осторожно переставляя ноги, двинулся в мою сторону и не заметил ослабляющую *фигуру*, в которую наступил.

Я активировал ловушку, и темный, упав на спину, тоненько закричал, понимая, что угодил в западню. Земля вытягивала из него силу, расплескивала в стороны, и трава вокруг фигуры начала наливаться цветом. Сперва желтым, а затем и зеленым.

Якорь ослабел настолько, что я воткнул кинжал ему в бок. Сила, хлынувшая в клинок, сбила меня с ног, я рухнул на колени, стараясь, чтобы рукоять не выскочила из пальцев. В ушах звенел набат, так что я не сразу понял, что вокруг творится что-то несусветное.

Выскочив из леса, по полю во всю прыть неся всадник шапри. Что характерно, без своего товарища. А в гуще деревьев нарастал странный шум, то ли рев, то ли треск, то ли грохот колоссального камнепада.

«Баннинг» – пропела тетива лука Гуэрво, и стрела по высокой дуге унеслась к деревьям. Через несколько секунд весь мир потонул в серебристой вспышке, и виенго выстрелил повторно. Он больше не улыбался, его губы были сжаты в узкую линию, а по лицу катились капельки пота. Не знаю, с кем он сражался и что это была за магия, но давалась она ему нелегко.

Серебряные вспышки следовали одна за другой, по мере того как стрелы Гуэрво поражали невидимые мне цели. София оказалась рядом со мной, схватила за руку, дернула:

– Бежим, Людвиг!

И мы побежали к нашим лошадям по горькой траве, сквозь стелющийся над землей странный голубоватый дым. За спиной смачно чавкнуло, волна воздуха подхватила нас, понесла сначала вверх, потом вниз, и мы кубарем покатались по земле.

Рядом с тем местом, где оставили наших ездовых зверей, воздух начал дрожать, и из него в наш мир деловито шагнули странные твари. Казалось, что эти существа кем-то собраны из необработанных камней, сломанных ветвей, кусков окровавленной плоти, связанных между собой тем же самым голубоватым дымом, который медленно, но неуклонно заполнял поле.

Я помог Софии подняться, Гуэрво оказался рядом, прыгнув вперед и загородив нас от новой напасти.

– Софи! С тем, что идет от скал, я не справлюсь! – крикнул он ей.

Тот, кто двигался к нам со стороны леса, был очень внушительных размеров. Над деревьями показалась башка на длинной шее, и я спросил:

– Его можно убить?

– Только не человеку, аэрго. Софи?

– Я готова, – ответила пророчица, распуская светлые волосы, по которым тут же начали пробегать серебряные искры. – Возьми на себя ваула-каэно и не подпускай их к Людвигу.

Сверкнула серебристая вспышка попавшей в цель стрелы. Я на миг прикрыл глаза, а когда открыл – там, где только что стояла София, уже ничего не было, я лишь успел заметить, как хвост гигантской змеи мелькнул и исчез в траве.

Где-то позади огромное чудовище крушило деревья, пытаясь выбраться на поле, а я смотрел, как виенго расстреливает тех, кого пророчица назвала ваула-каэно. После каждого попадания стрелы во все стороны летели стружки, каменная крошка, кровавые ошметки и клубы дыма.

Гуэрво бил хладнокровно, натягивая тетиву страшного лука, на секунду замирая, разжимал пальцы, отправляя стрелу в полет, и тянулся к колчану за следующей.

За спиной раздался грохот и треск, который заглушил кошмарный вой. Гигант вырвался из лесного плена, и от его поступи дрожала не только земля, но и мои колени. Необъяснимое чувство страха, страха противного, липкого, сковывающего холодом сердце, туманящего разум, накрыло меня с головой, точно ледяная океанская волна, во всю свою мощь обрушившаяся на берег. Легкие сжало, я попытался вдохнуть, с ужасом понимая, что воздуха стало не хватать.

Помог виенго. Его пальцы впились мне в плечо, встряхнули, и ужас померк, отступил.

– Не надо бояться, аэрго.

Его колчан был пуст, но две твари уцелели и все так же двигались к нам. Одну отвлек шапри, носясь вокруг нее на блохе и орудуя коротким топориком, другой оставалось пройти шагов сорок.

– Как я это не люблю, кто бы знал, – устало вздохнул Гуэрво. – Потом всегда начинается мигрень. Подержи, пожалуйста, лук.

Его лицо расплзлось, запузырилось, глаза ввалились, нос вытянулся, а рост скакнул вверх, и я, забыв обо всем, смотрел на существо, похожее на золотистого, могучего оленя, с изящной шеей и острыми, как копыта, рогами.

Виенго взрыл копытом землю, низко, гортанно закашлял и, наклонив лобастую голову, бросился в атаку. В этот момент грохнуло так, что я упал на колени, зажимая уши. Было чертовски больно, словно кто-то огрел меня доской по голове, и я полностью потерял ориентацию.

Гуэрво, уже в своем облике, привел меня в чувство в тот момент, когда горячий, сухой шквал ветра обжег мне кожу.

Я встал, опираясь на плечо виенго, чувствуя, что по шее за воротник течет кровь. Ноги подкашивались, меня довольно крепко оглушило, и стоял я только благодаря поддержке моего спутника. Приходилось признать, что в этой схватке я оказался совершенно бесполезен. Думается, если бы со мной не было Софии и виенго, я бы уже валялся мертвым.

– Забери меня дьявол! – ошеломленно просипел я, тараща глаза и думая, что от удара у меня начались галлюцинации.

Ручья, давшего название этой местности, больше не существовало, он попросту испарился. В центре поля вздулся холм, а ближе к лесу земля, наоборот, сдвинулась, и огромный

оползень снес большое число деревьев. Но мой взгляд был прикован к бушующему серебристому смерчу или чему-то, очень на него похожему. Мощная воронка всасывала в свое чрево траву и землю, внутри ее полыхали молнии, и во время этих вспышек появлялся силуэт страшного чудовища, что сейчас сражалось с Софией.

Не знаю, что создала пророчица, но даже с моим скудным знанием о магии смело можно сказать, что передо мной разворачивалось мощнейшее волшебство. Стихийное, темное, первобытное, от которого у нашей инквизиции случился бы форменный припадок, и клирики бы выстраивались в очередь и платили по золотому дукату, чтобы им позволили подкинуть хвороста в костер такого колдуна. Потому что по официальной церковной доктрине на такие фокусы были способны лишь архангелы, но никак не женщина из Темнолесья.

Гуэрво показал мне, что лучше сесть на землю, и только сейчас я увидел, что он держит левую руку, сжимая свой бок, и его пальцы в крови.

Оленерогий поймал мой взгляд:

– Жить буду, не беспокойся, аэрго. Рана пустяковая, затянется через несколько минут. Надеюсь, Софи не будет возиться с ним слишком долго. Не хочу, чтобы здесь появились действительно серьезные сущности.

– Куда уж серьезнее этой, – пробормотал я.

– Поверь, аэрго, в этих горах водится такое, что все библейские кары и рядом не стояли.

Смерч начал медленно крутиться в противоположную сторону и рассеиваться. Молнии исчезли, синий дым растаял, и по воздуху летала лишь сухая трава. Плоть огромного неведомого создания на глазах превращалась в дерево, покрывалась грубой корой.

Гуэрво отнял руку от раны, с сомнением посмотрел на окровавленные пальцы, достал из кармана платок, украшенный кружевами, вытерся и отбросил в сторону испачканную ткань.

– Надо помочь Софии. Думаю, сейчас она вряд ли может твердо стоять на ногах. А нам их пора уносить. И как можно скорее.

– Я же говорил, что это бесполезно. Чего вы добились, кроме сомнительного удовольствия получить несколько шишек и зуботычин? – Зивий отжал тряпку и положил на лоб страдающего от мигрени Гуэрво.

– Не жужжи, пожалуйста, – попросил виенго. – Я разрешил тебе присутствовать, но никак не жужжать.

– Я еще и спеть могу.

– Тогда попрошу Файрварда, чтобы он тебя все-таки сожрал. Ты бываешь очень настырен и не понимаешь вежливых просьб.

Я слушал их негромкий разговор краем уха, по десятому разу перепроверяя сложную сеть *фигур*, на которую потратил несколько часов кропотливой работы. Была глубокая ночь, но благодаря призванным лесным огонькам здесь стало светло как днем.

Все нервничали, хотя старались не показывать вида, так как ночь, когда гибнет кладка, давно наступила и в любой момент можно было ожидать прихода души, которую я так и не смог поймать. Она, по словам Гуэрво, уже должна была появиться, потому что в глубине яиц с каждым часом все отчетливее разгоралось сияние магии.

– Сколько остается до того момента, как они вылупятся? – спросил я у Софии.

Она сидела высоко на камне, успокаивающе поглаживая огромную голову Файрварда. Дракон беспокоился, и его лиловые глаза с ненавистью ощупывали каждый камень, каждое дерево, где мог притаиться тот, кто убивал его потомство.

– Как только наступит утро. Все будет хорошо, Файрвард. Я обещаю тебе. На этот раз все будет хорошо.

Она прижалась лбом к черной, лоснящейся шкуре, и волшебное существо, глубоко вздохнув, положило голову рядом с маленькой женщиной, соглашаясь быть терпеливым.

Проповедник появился, когда я был в самом дальнем конце котловины, натягивая золотистую нить тревоги. Старый пеликан остановился на границе, а затем, следуя моим указаниям, осторожно переступал через ловушки, богохульствуя себе под нос:

– Господи Иисусе, Людвиг. Судя по тому, каким кружным путем мне до тебя пришлось добираться, *фигур* тут разбросано больше, чем наемников, которые жируют на казне некоторых княжеств. Кого ты решил поймать? Самого Самаэля?

– Сколько раз тебе говорить, не надо ночью произносить некоторые имена! Если на твой глупый зов обратит внимание нечто вроде того, с кем мне пришлось столкнуться в Дерфельде...

– Кто меня услышит? Я уже давно мертв. Пришел тебе сказать, что я облазил всю округу, и если здесь есть какая-то душа, то она точно невидимая. Спорю на шляпу Пугала, что ее и вовсе не было. Им со страху показалось. Долго ты будешь здесь торчать?

– Долго.

– Тогда позволь откланяться. Я пойду на берег, находиться рядом с этим ящером крайне неприятно. Мне кажется, одного его присутствия достаточно, чтобы меня не пустили в рай.

– Не больно ты в него и рвешься, иначе давно бы уже отправился.

– Просто я не спешу. Туда всегда успею, а вот вернуться назад вряд ли. Пока.

Он ушел, старательно задирая ноги, чтобы не задеть *фигуры*. Я дождался, когда душа свалит, убедился, что защитные полосы не повреждены, и вернулся к Гуэрво и Зивию. Виенго лежал с закрытыми глазами и улыбался.

– У тебя есть повод для хорошего настроения? – удивился я.

– Да, аэрго. И с каждым мгновением повод становится все более весомым.

– Главное, чтобы твоя надежда не померкла в самый последний момент. – Боздухан смотрел на мир волком. Он страшно хотел спать, боролся со сном и уже пару раз ушибнул себя за пухлые бока. – Никого не заметил, страж?

– Никого.

– Она уже должна была появиться. Ну душа. Раньше всегда появлялась. Почему ее нет сейчас?

– Я не знаю.

– Тоже мне страж. Может, она тебя испугалась, а?

– Не думаю.

– Ты очень нетерпелив. Жди, – сказал, не открывая глаз, Гуэрво. – И замолкни. Моя мигрень никуда не делась.

– А нечего было ехать к Дымящемуся ручью. – Зивий все-таки оставил последнее слово за собой, нахохлился, обхватил пухлыми руками колени и, выпятив губу, наконец-то умолк.

Уже через пять минут он стал клевать носом и наконец заснул, начав тихонько похрапывать. Гуэрво, услышав это, улыбнулся, приоткрыл один глаз, проверил, слежу ли я за обстановкой, и вновь притворился спящим. Ему, несмотря на бравату, крепко досталось во время сражения, так что из Дымящегося ручья он вернулся не в лучшей форме, и мы все втроем, включая Софию, отмокали в целебных источниках Темнолесья.

Где-то через час Файрвард не выдержал, оставил пророчицу и переполз к гнезду, кольцами обвившись вокруг него. Когда я в очередной раз отправился проверить *фигуры*, он был столь любезен, что убрал с моего пути шипастый хвост.

До рассвета оставалось немного. София, как и раньше, сидела на высоком, холодном камне в одном тонком платье, не обращая никакого внимания на ночную свежесть и то, что ветер с океана осторожно играет с ее распущенными лучистыми волосами.

Я молча забрался к ней на вершину, укрыл ее плечи курткой, и она благодарно улыбнулась мне, оторвав тревожный взгляд от светлеющего на востоке неба.

– Почему все закончилось, Людвиг?

– Не делаешь ли ты поспешных выводов, Софи?

Она вздохнула:

– Мой дар здесь не помощник, но интуиция говорит, что опасность миновала. Ты не можешь слышать голос ветра, а он шепчет мне, что в Темнолесье за многие годы нечто изменилось. Возможно, благодаря твоему присутствию. Раньше кладка погибала, когда до утра было несколько часов. А сейчас я чувствую, как магия исходит от еще не рожденных драконов. С ними все в порядке. Менее чем через полчаса убить их станет невозможно даже с помощью сильного темного колдовства. Они не будут бояться ни магии, ни душ, ни людей.

– Мне остается только радоваться. Хочу спросить...

– Почему ты здесь? – Ее глаза ничего не выражали.

– Иногда я забываю, что ты можешь читать мысли раньше, чем я успею сказать хоть слово. Да. Почему я здесь? Чужаков не пускают в Темнолесье. Только изгнанников, да и то не всех.

– Ты для нас давно не чужак. Что же до твоего вопроса, то ответ тебе уже известен. Меня попросила Гертруда, и я оказала ей услугу. Точнее, оплатила один из старых долгов. Я бы помогла в любом случае, белая колдунья достойна моей помощи, так что не думай, что ты здесь лишь из-за нашей нужды. Просто так совпали звезды. Но если уж говорить начистоту, если бы Файрвард не находился в таком бедственном положении, он никогда бы не согласился нести на своей спине человека. Драконы не любят ваш народ, и у них на то масса причин.

– Охотно верю и думаю о том, что звезды действительно совпали. Согласись, что, если бы не он, ты добиралась бы ко мне гораздо дольше и я умер намного раньше, чем ты бы успела мне помочь. А так получается, что выжил я только потому, что кто-то убивал детей Файварда, и ему потребовалась помощь стража.

София тяжело вздохнула:

– Ты так ничего и не понял.

– Не понял что?

– Правду. Как я вижу, душа, которая ходит с тобой, тебе тоже ничего не сказала.

– Так ты знаешь о Проповеднике?

– Он в твоих мыслях. Судя по всему, он очень тактичен. Помнишь то пророчество о тебе в Ночь Вейдм?

– Конечно. Опасайся висельника на перекрестке, он принесет тебе беду. Бойся снежных стен, они не дадут тебе шансов. Избегай света, ведущего из мрака, – это твоя смерть. Когда я выбирался из логова окулла, то полз на свет. Там меня и нашли.

– К сожалению, я не ошиблась в своем пророчестве, Синеглазый. Ты умер.

Я вежливо улыбнулся, но моя улыбка погасла, когда я понял, что она и не думает шутить.

– То есть... как умер?

– Когда я прилетела, ты был уже мертв... Яд окулла, потеря крови, рана... они не оставили тебе никаких шансов.

– Но я ведь жив. Я живой. Сейчас. Ведь так?

– Только благодаря Файрварду. Магия драконов всегда считалась самой мощной магией исцеления, а вы, люди, как механические куклы. Если завод остановился недавно, то при должной удаче можно попытаться повернуть ключ еще раз. Иногда это получается. Иногда... нет. Нам повезло, хотя я и не рассчитывала на успех. Ты воскрес уже в полете, глубокой ночью.

Я вздохнул:

– Ничего себе новости... День ото дня узнаешь о себе нечто интересное. Я ничего не помню. Ни ада, ни рая, ни собственной смерти. Уснул и проснулся. Что же... Наверное, это звучит цинично, но я рад, что понадобился дракону, иначе меня бы давно уже закопали. Чем мне грозит... воскрешение?

Это слово мне не нравилось, но оно лучше всего характеризовало то, что со мной произошло.

– Ничем. Тебе предоставлен второй шанс. Воспользуйся им и живи дальше.

Я был несколько оглушен таким сообщением. Не каждый день предоставляется случай умереть и воскреснуть. Такое тяжело осознать за несколько минут.

Быстро светлело, звезды исчезали, рокот океана слабел, на камнях и траве выступила испарина холодной росы, а местность начала наливаться пока еще тусклыми, но с каждой минутой разгорающимися красками.

– Начинается, – встрепелась София, отвлекая меня от сумбура в мыслях. – Начинается, Людвиг!

Она порывисто схватила меня за руку, потянула за собой и остановилась, не дойдя до гнезда тридцати шагов. Гуэрво уже был здесь и, подавшись вперед, вместе с Файрвардом смотрел, как лопается янтарная скорлупа на одном из драконьих яиц, едва его коснулись прямые солнечные лучи.

Сеть мелких трещин пробежала по идеально гладкой поверхности, а затем яйцо с громким хлопком лопнуло, выплеснув в воздух комок оранжевого, холодного, волшебного огня, растекшегося жемчужной радугой над котловиной. В янтарных осколках возилось изящное черно-алое существо с лебединой шеей и хищной головой. Оно было уменьшенной копией Файрварда, лишь с тем отличием, что у мелочи имелись собственные, едва видимые крылья. Дракончик вопросительно закашлял, и его здоровенный папаша, высоко подняв голову, победно протрубил на всю округу о том, что в Темнолесье снова появились драконы.

К дому Гуэрво я вернулся лишь к полудню, за мной увязался Зивий, до сих пор нывший, что его даже никто не подумал разбудить, когда родился самый первый дракон, и он, по сути дела, пропустил все интересное.

Проповедник, сидевший на крыльце, увидев боздухана, скорчил рожу и обозвал его проклятушим чертом. Зивий конечно же не услышал и отправился в дом, сказав, что лично ему никто не запретит выпить из горла бутылку светлячкового вина. Меня к попойке он не приглашал, да я и не собирался веселиться – слишком устал.

Сев рядом с Проповедником, я перевел дух.

– Тяжелые дни. Я рад, что эта история позади.

– Да уж. Слышал, как трубил адский змей. Как я понимаю, его дьявольское потомство все-таки выродилось на свет.

– Верно понимаешь.

– Душа так и не пришла?

– Мне кажется, что ее и не было. Ни одна *фигура* не указала на присутствие темных сущностей поблизости от гнезда.

– Ну значит, мы так и не узнаем, в чем была причина. – Он указательным пальцем оттянул окровавленный воротничок рясы. – Мне до чертиков надоел лес. Хочу домой, в городскую сутолоку, и чтобы вокруг тысячи людей. Буду заглядывать в окна вдовушек и поносить нечистых на руку людишек.

– Последние тебя все равно не услышат.

– И что с того? Считаешь, было бы лучше, чтобы слышали? Всенепременно надавали бы мне тумачков, будь я жив. Никто не любит, когда его ругают.

– Ты еще тот прагматик. Я тебя слышу, ты не забыл?

– Ну на твой счет в твоём присутствии я стараюсь не выражаться, – усмехнулся он. – Людвиг... Эй! Ты все еще здесь или я распинаюсь зря?

– Ты знаешь, меня только что осенило. Я могу слышать души, а другие – нет.

– Словно ты раньше этого не знал. А что ты теперь делаешь? Зачем рисуешь и что? Святые мученики, да что на тебя нашло?!

Я отмахнулся от него, в два счета создав в воздухе схематичный рисунок нужной *фигуры*. Она конечно же сразу указала на недовольного Проповедника. Потребовалось перенаправить потоки силы, чтобы увидеть желаемое и узнать направление.

– Куда ты?!

– Кое-что придумал, – уклончиво ответил я ему. – Нет, твое присутствие сейчас будет лишним.

– Ах так! – обиделся он. – И это после того, что я для тебя сделал? Это после того, как я делился с тобой самыми сокровенными тайнами?!

– Кстати о тайнах, – вспомнил я. – Ты был очень добр, забыв сообщить мне, что я какое-то время был мертв. Спасибо тебе большое.

Вид у него сделался пристыженным, так что я этим воспользовался и свалил, не ожидая объяснений.

На краю рощи, залитой солнечным светом, такой тихой и прекрасной, что хотелось лечь под ближайшее дерево и забыться сном, я остановился.

– Я знаю, что ты меня слышишь, – сказал я, поднимая взгляд к кроне. – Ты спустишься или мне подняться?

– Поднимайся.

Забраться на дерево оказалось несложно. Кора дуба словно специально сложилась складками, превратившись в удобную лестницу. На широких ветвях запросто могли спать несколько человек, а огромное зияющее дупло, возле которого играли молодые бурундуки, казалось настоящей пещерой. Увидев чужака, зверьки на несколько мгновений замерли, а затем бросились прочь, сердито вереща из-за того, что я потревожил их.

Агатан, старая, высохшая бабка с растрепанными бесцветными волосами, в выцветшей льняной рубаше, теплой шали и стеклянных бусах на тощей шее, сидела возле входа в свое жилище и, подставив лицо солнечному свету, любуясь бесконечным водопадом через небольшую дыру в кроне, любовалась кусочком янтаря.

– Спасибо тебе, Людвиг, – сказала она. – Я так давно о нем просила, но никто из них не желал принести его мне.

Я бросил быстрый взгляд в дупло, где в полумраке лежали мумифицированные останки несчастной старухи.

– Они не могли тебя слышать, – мягко сказал я. – Живые не умеют слышать то, о чем их просят мертвые, Агатан.

– Я жива. И они не слушали. – Взгляд у нее был совершенно безумный.

Я искал темную душу и не находил ее. А надо было искать светлую. Но я даже не подумал об этом. Потому что светлые не причиняют и не могут причинить зла людям. Но это не значит, что они не могут сделать что-то плохое для других существ, очень похожих на них. Волшебных. Я совершенно непростительно упустил это обстоятельство из виду, хотя ответ был у меня перед глазами. Агатан сама мне все рассказала.

Она не могла пойти на берег, потому что, как и якорь, привязана к своей смертной оболочке. Она просила сходить других, но они проигнорировали ее просьбы, потому что не слышали их. И никого из живших в округе не смущало, что они давным-давно не видели Агатан и она не разговаривала с ними. Еще несколько дней назад я беседовал с Софией и узнал, что старуха, когда ей разрешили жить здесь, попросила ее не беспокоить. Она не желала ни с кем общаться, никого не хотела видеть – ее просьбу исполнили и в итоге проморгали появление души.

– Ты ведь из виктов. Почему тебя выгнали из деревни, Агатан?

Ее лицо стало печальным:

– Я сама ушла. Не могла больше там находиться. После того, что случилось.

– Что случилось?

Она помотала головой, не желая рассказывать, сжала янтарь в кулаке, и по ее морщинистым щекам потекли слезы:

– Дети. Смотрела за ними. Слишком стара была для всего другого. Они не слушались, убегали, прятались. Было тяжело за ними угнаться. Слишком стара. Слишком.

Ни одна душа не появляется без причины. Темных держат в нашем мире грехи и жажда смерти, светлых – совесть или желание что-то исправить и кому-то помочь.

Агатан сгорбилась:

– У меня остались их шарики. Небесно-голубой и кроваво-красный. Они там, в дупле. Если хочешь, посмотри. Я буду рада.

– Ты говорила, они принадлежали твоим внукам. Что с ними случилось, Агатан?

Она заплакала, и я вздохнул. Все это меня совсем не радовало.

– Я мешала им играть, прыгать со скалы. Звала назад. Домой. Слишком старая, никто не слушает. Попросили принести им солнечный камешек. Я ушла, искала, а они спрятались. Глупые дети. Ушла далеко, искала камень, хотела порадовать, но песок был пуст. А они сидели в морском гроте, и океан вернулся.

Я сглотнул, догадываясь, что случилось дальше, и вспоминая души, играющие на скале рядом с деревней виктов.

– Опоздала. Не пришла. Не спасла. Моя вина.

– Это не так. Ты не могла знать.

– Не нашла янтарь и задержалась, Людвиг. Не нашла, вернулась слишком поздно. Я ушла оттуда. Берег сводил с ума. Пустил пожить тот, что с рогами. Он был добр, и я попросила не трогать меня. Он обещал, что так и будет. А потом дерево перестало пускать меня. И я не могла уйти. Вернуться к воде. Я звала их всех, но никто не желал мне помочь.

– Потому что ты умерла, Агатан, и привязана к дереву.

И надо полагать, эти узы слабели в ночь, когда должны родиться драконы, а их магия растекается по лесу. Волшебство иных существ, в отличие от магии людей, может влиять на души.

– Чем провинился дракон? Почему ты ходила к нему?

– Провинился? – не поняла старуха. – Нет, он хороший. Иногда я могла уйти, очень редко, ночью. Но к океану меня не пускали, только к дракону. Мне так нужен был янтарь. Он должен был дать свободу. Он нужен мне. Я бы принесла камень внукам, ведь они ждут. Слишком старая. Глупая. Долго провозилась, не смогла донести большие камни. Оставила их в овраге.

Самое ужасное, что она даже не поняла, что сделала, когда приняла драконьи яйца за глыбы янтаря. Душа, переполненная чужой магией, жаждущая жизни для себя и для детей, которые из-за нее погибли, одним касанием выпила жизнь у нерожденных драконов.

– Я получила янтарь, но отчего-то не могу пойти к внукам. Проклятое дерево держит меня. Ты можешь его срубить, Людвиг?

Агатан с надеждой посмотрела на меня.

Я не мог уничтожить ее. Она была хоть и безумной, но светлой душой, и наши кодексы подобной ликвидации не одобряют, если только душа сама не просит об этом. Агатан не просила, и если мой кинжал проверят, то обнаружат светлое зерно в металле, и никто не будет интересоваться, при каких обстоятельствах я его получил. Это серьезный проступок, так что я не стану рыть себе яму. К тому же уверен, Агатан не желала никому зла. Когда она завершит то, о чем думала так долго, то получит свободу, которую давно заслуживает.

– Я помогу тебе, но иначе, и ты сможешь увидеть внуков, – сказал я.

В дупле было влажно. Кровать давно заросла ползучими лозами, на потолке распустились оранжевые цветы, а запах тления едва-едва ощущался. Я склонился над телом и одним движением перерезал едва видимую нить, связывающую останки с душой.

– Все, – сказал я.

– Все, – эхом вздохнула она, вставая и дрожащими руками поправляя шаль. – Теперь я увижу их?

– Конечно. Как только ты этого захочешь.

– Спасибо, Людвиг. Ты лучше, чем они все. Отнесу детям янтарь, они так его просили...

Ветер безумствовал, носился над океаном, рвал волны, хлестал их порывами, гнал на берег, где они вставали на дыбы, точно дикие, необъезженные кони. Между мной и волнами была лишь узкая полоска песчаного берега, и порой водяные брызги в виде мельчайших капель долетали до меня.

София сидела рядом, и мы молчали, глядя на волны и слушая визгливые вопли чаек, то и дело опускающихся к воде.

– Кто из нас виноват? – спросила она меня. – Как мы вообще могли такое упустить? Вся наша магия, все могущество оказалось бесполезно, когда речь зашла о полубезумной старухе, когда-то пришедшей сюда.

– Никто не виноват, Софи. Она попросила оставить ее в покое, и вы честно исполнили ее просьбу.

– Для нас прошло совсем немного времени. Мы... мы забываем, что вы, люди, умираете так быстро. Это моя вина, Синеглазый. Я даже не подумала, что с тех пор, как она поселилась здесь, прошло столько лет. Никому из живущих здесь не пришло в голову что... что ее время давно завершилось. Я всегда считала, что она просто ушла от нас. Ни лесные огоньки, ни мелкое зверье о ней не говорили.

– Не изводи себя, пожалуйста. Я должен был догадаться раньше, но, к сожалению, мой дар иногда вводит меня в заблуждение. Голоса живых и уже мертвых ничем не отличаются друг от друга. Я не могу на слух определить, кто из них со мной говорит, иначе все было бы гораздо проще.

Проповедник, сидевший поодаль, хмыкнул и поднял плечи, словно почувствовал ледяной ветер.

– Ты так и не сказал мне, почему на этот раз она не тронула кладку.

– Сейчас покажу.

Я сходил к полосе прибоя, взрыхлил влажный песок, довольно быстро нашел искомое и, вернувшись, положил на ладонь Софии теплый кусочек янтаря.

История вторая

Отходная молитва

Виора, раздобревшая от весенних паводков, все еще была необычно полноводна, но давно уже успокоилась, и течение в ее многочисленных излучинах совершенно не чувствовалось – лодка летела по зеркальной глади, рассекая воду, точно лебедь. Лодочник, получивший за свои услуги монету в одну двадцать четвертую серебряного эсу⁶, старательно налегал на весла, перестав жаловаться, что еще слишком рано, что туман какой-то дьявольский, что погода не ах и вот-вот разверзнутся хляби небесные. Что он болен и с утра пораньше хочет пропустить стаканчик.

Я сидел на носу, вглядываясь в утреннюю туманную дымку. Сквозь нее едва различимо проступал противоположный берег, где располагался Басуен – последний и самый северный город Лагонежа. Сразу за ним уже начиналась Прогансу, страна, которую я старался обходить кружным путем и не приближаться к ней ближе чем на три десятка миль.

Проповедник развалился на корме, корча из себя важного мореплавателя. Сперва он распел церковный гимн, безбожно фальшивя, а затем стал командовать лодочником, нисколько не смущаясь, что тот его не слышит и не видит:

– И раз. И два. Живей веслами работай, дубина! Маши ими посильнее, тебе заплатили хорошие деньги! Гораздо большие, чем заслуживает такой бездельник и пропойца, как ты.

Сегодня он был в ударе. Впрочем, как и во все предыдущие дни, с того самого, как мы оказались на материке. Старый пеликан разве что не пускался в пляс, смывшись из Темнолесья, и таким счастливым я его не помню с тех пор, как похоронил его тело и оплатил поминальную молитву для его души.

– Людвиг, ты чувствуешь пьянящий запах настоящей свободы?! – спросил он у меня с блаженной улыбкой монастырского идиота, но я не стал вступать в беседу, иначе лодочник сочтет меня психом.

По мне, так никакой свободой здесь не пахло. Зато смердело свинофермой, находящейся на левом берегу, выше по течению. Ветер, на мою беду, дул с той стороны, но Проповедник, разумеется, подобных мелочей не замечал. Как и волн застарелого перегара, распространяющихся от нашего лодочника во все стороны.

Мы проплыли мимо большой облезлой лодки, в которую вытягивали сети два рыбака, а третий стоял с арбалетом на изготовку, на тот случай, если за рыбой пожалует кто-нибудь из речных хозяев или в сетях окажется рассвирепевший топлун. Улов был не ахти какой, с десяток мелких плотвичек да полосатых окуньков.

– Помолитесь, и будет вам счастье. С божьей молитвой на устах всякое дело делается! – крикнул им Проповедник.

Правый берег выбрался из белесой утренней дымки, приблизился так, что я смог разглядеть заросли молодой осоки, серую цаплю, покосившуюся пристань на невысоких сваях, небольшую, домов на двадцать, деревеньку на выступающей песчаной косе и едва различимый шпиль ратуши Басуена.

Вдоль кромки воды пастух гнал трех коров, одна из которых забрела в осоку и не желала выбираться назад, у деревни бабы полоскали белье, а на пристани, к которой во время осенних праздников частенько причаливали баржи торговцев из Кантонских земель, меня поджидали двое.

⁶ Эсу – серебряная монета Прогансу, равняется 25 граммам серебра. 1/24 эсу содержала в себе чуть больше грамма серебра.

Старина Пугало, все такое же нелепое и страшное, как обычно, ссутулившись, сидело, свесив над водой костлявые ноги и небрежно поигрывая острым серпом. Вид у него был, как всегда, угрюмый, а улыбочка жутковатой. Мы пересеклись взглядами, и оно, помедлив мгновение, кивнуло.

Я ответил ему тем же, а Проповедник, вскочив, возопил:

– Соломенная голова! Где ты шляется?!

Пугало ответило ему тем, что пожало плечами, чем изумило старого пеликана до глубины души.

Недалеко от одушевленного, опираясь на перила, стояла белокурая девушка в белых рейтарских рейтузах с красными лампасами, в кружевной рубаше и жакете без рукавов. Из-за щегольского мужского берета с алым фазаньим пером она выглядела еще более соблазнительной, а литавская рапира придавала ей несколько воинственный вид. Я, как и прежде, залюбовался ею, а она улыбнулась мне и подняла руку в приветствии.

– Святая Богородица! Какая компания! – не унимался Проповедник. – Пугало и ведьма! Меня так еще никогда не встречали. Вся наша дурацкая семейка снова в сборе, Людвиг! Кого нам за это благодарить?

Лодка коснулась пристани, и лодочник вцепился руками в ржавую скобу, давая мне возможность вылезти:

– Приехали, ваша милость. Басуен, как вы и просили.

Я поставил на пристань саквояж и заключил Гертруду в объятия. От ее шеи легко пахло гиацинтами, и я понял, что за прошедшие месяцы почти забыл этот запах.

– Ну хватит вам. Хватит, – наконец не выдержал Проповедник, который терпеть не мог, когда мы проявляли свои чувства на его глазах. – Меня заедает от зависти, так что делайте это в более укромном уголке.

Гертруда, вздохнув, отступила от меня на шаг, и я готов поклясться, что в ее светлых глазах были слезы.

– Я очень рада, что все обошлось, Людвиг.

Она взяла меня под руку, кивнув Проповеднику:

– В ближайшие несколько часов мы в твоей компании не нуждаемся. Можешь пока спросить Пугало о том, где оно путешествовало. Пойдем, Синеглазый. Нам надо многое рассказать друг другу...

Шрамы, которые остались после встречи с окуллом, она рассматривала с придирчивой осторожностью. Смотрела долго, водила по широким белым линиям теплыми, изящными пальцами, и ее брови то и дело хмурились. Она сняла с шеи закованный в серебро аметист:

– Сожми в руках.

Гера сотворила какое-то заклинание, кожу у меня на ладонях легко закололо. Колдунья забрала камень, завернулась в простыню и подошла к окну, изучая минерал на солнечном свете. Я в то же время с неменьшим интересом изучал ее, так как свет пронизывал ткань, словно прозрачную океанскую воду.

– Что? – спросила она, почувствовав мой взгляд.

– Ты красивая.

– Спасибо. София умница.

– Вот как?

Она вернулась в постель, по пути небрежно бросив аметист на столик.

– Пророчица сделала то, что не смогла бы сотворить даже старга. Отличная работа, превосходное искусство. Ее талант в целительстве еще никому не удалось превзойти, так что теперь я за тебя спокойна.

Интересно, знает ли она о последствиях моего исцеления? То, о чем мне сказала Софи? Если да – хорошо. Если нет – я не стану тревожить ее такими пустяками.

– Как ты себя чувствуешь, Людвиг?

– Проповедник задает мне этот вопрос каждый день. Со мной все в порядке, и я готов к работе.

– Это хорошо, потому что, пока тебя не было, дел накопилось выше крыши. Твои опыт и умения нужны Братству.

– Ты говоришь как магистр, – улыбнулся я.

Она нахмурила светлые брови и вздохнула:

– Так и есть. Это быстро входит в привычку. Нынешняя весна для нас выдалась ужасной. Появилось много темных душ, в том числе и таких, каких раньше мы никогда не встречали, и стражи едва справляются. В Арденау практически никого не осталось, кроме преподавателей школы и учеников. Даже магистры разъехались по странам. В Шоссии творится тьма знает что, а Чергий и Ольское королевство развязали войну, из-за чего произошел всплеск появления темных, и они уже расползаются по соседним странам, хотя военные действия пока идут ни шатко ни валко. Если количество сущностей продолжит расти, к середине лета нам придется просить помощи у всех, кто только сможет нам помочь. В том числе и у Ордена Праведности, а нам, как ты знаешь, проще наступить на собственное горло, чем связываться с этими лицемерами.

Надеюсь, после моего посещения Литавии клирики смогут приструнить законников и убедить их на время забыть о цеховой грызне.

– Это важная миссия, – согласился я. – Вот только...

– Ты хочешь знать, почему я здесь?

– Да.

– Чтобы встретиться с тобой, Синеглазый, – улыбнулась она. – Представь себе, даже ведьмы иногда скупают. К тому же есть серьезная тема для разговора.

– Слушаю.

– Клирики заинтересовались историей о маркграфе Валентине и его коллекции кинжалов стражей. Кое-кто в Риапано желает поговорить с тобой, о чем уже сообщили в Арденау.

– Мне обязательно это делать?

– Боюсь, что да. Бегать от них всю жизнь не получится. Пока у тебя есть дело, но после тянуть с этим не стоит. Приезжай в Ливетту, как только освободишься. Я тоже еду туда. Думаю, когда прибуду, конклав уже закончится, и у нас будет новый Папа.

Слухи о болезни прежнего понтифика ходили без малого год. Говорили, что до Пасхи викарий Христа⁷ не дотянет, но он протянул чуть дольше, и его перстень, обладающий изрядной долей магии, был разбит святым молотом на могиле Петра. В то время когда Папа неспешно собирался отправиться на Небеса, глупые надеялись на чудо и выздоровление немощного старика, а умные начали готовиться к неизбежному и искать свою выгоду. Создавались альянсы, платились взятки, гибли люди.

В итоге после смерти понтифика ситуация сложилась таким образом, что конклав заседал без малого третью неделю (если судить по тем новостям, которые с опозданием доходят до нас из Литавии) и пока не пришел к решению.

Борьба развернулась между ставленником почившего Папы – кардиналом из Литавии – и кардиналом Барбурга, которого поддерживал ряд северных стран и который являлся дядей Гертруды. Мнения разошлись, группы клириков никак не могли договориться друг с другом, а оттого сидели на воде и хлебе⁸, запертые в душном, полутемном помещении, но совершенно не

⁷ Викарий Христа – официальная должность Папы.

⁸ По правилам конклава Ливетты, если кардиналы не могли выбрать Папу в течение трех дней, их пищевой рацион сокра-

собирались сдаваться. Семидесятилетние стариканы ничуть не уступали молодежи в упрямстве и собирались бороться за власть до последнего вздоха.

– Я бы не рассчитывал на скорое завершение конклава. Помнишь, когда избирали Бенедикта Десятого, кардиналы совещались восемь месяцев и двадцать шесть дней.

– Ну ты еще вспомни выборы Александра Двенадцатого! Три года, семь месяцев и четыре дня. Тогда шестеро кардиналов не дожили до часа, когда отомкнули двери капеллы. Это было триста лет назад. Сейчас все изменилось. Никто не будет сидеть взаперти, когда теряется доход с его земель, церквей и княжеств. Время – деньги, Людвиг. Они договорятся. Это вопрос ближайших недель, если не дней.

– Понимаю, зачем ты туда едешь. Братство должно поддержать нового Папу.

– Верно. Когда брат моей матери все-таки станет понтификом, стражи, а не законники будут рядом.

– А ты не думала, что будет, если кардинал Барбурга так и останется кардиналом? Его противник никогда не забудет нам этого.

– Не останется. Можешь мне поверить. Он скорее голыми руками передушит конкурентов, но услышит, как на площади Петра произнесут его имя, – усмехнулась она. – Церкви давно нужны реформы, за последние двадцать лет она начала терять позиции на востоке. Еретические волны следуют одна за другой, и никто не хочет, чтобы они накрыли нас с головой. Дядя сможет изменить ситуацию к лучшему.

– Смотрю, ты веришь в него.

– Как и в тебя. Вы с ним в чем-то похожи, Синеглазый, хотя он и старше тебя почти на сорок лет. Обязательно вас познакомлю, когда ты окажешься в Ливетте.

Я улыбнулся, не став говорить, что не имею никакого желания знакомиться с понтификом, будь он хоть четырежды любимым дядюшкой Гертруды.

– Людвиг, я знаю, что у тебя должно быть множество вопросов по поводу того, почему Братство прошло мимо Латки, и хочу ответить на них.

Я вздохнул, взъерошил свои порядком отросшие за время последних злоключений волосы, глянул на женщину, с которой меня связывало слишком многое:

– Расскажи с того момента, как тебя нашел Проповедник.

– Я только что вернулась в Арденау, он появился на следующий день, и, выслушав его историю, я тут же собрала совет. Тех магистров, кто в данный момент находились в городе. Когда они узнали о случившемся, мы сразу начали действовать, ведь Братство не бросает своих. Это непреложное правило, пускай хоть ты трижды провинился перед ними.

Я хмыкнул:

– Но помощь так и не пришла.

– Не пришла. Земли маркграфа, как ты помнишь, уже восемь лет не входят в зону нашей ответственности, и мы не имеем там никаких прав, словно в каком-нибудь Прогансу. Никакой поддержки от местных властей, никакой официальной деятельности.

– Я помню про рекомендации не тревожить маркграфа. Но не до такой же степени, чтобы не беспокоить его, когда пропал страж.

– Все гораздо серьезнее, чем лежит на поверхности. Началось с того, что до наших осведомителей дошли слухи о темной душе, обитающей в подземельях замка Латка. Разумеется, Братство собиралось направить туда стражей, но пришли клирики и попросили оставить маркграфа в покое. Как ты понимаешь, попросили – это очень мягкое слово.

Я опять хмыкнул. Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, и наконец я произнес:

– Странно. Даже не могу представить, им-то он зачем понадобился.

– У людей из Риापано был какой-то свой интерес, но в подробности нас никто не посвящал. Сказали не лезть куда не следует, и только.

– И Братство склонило голову перед этим приказом. Понимаю.

Ссориться с клириками – безумие. У нас достаточно проблем с Орденом Праведности, для того чтобы наживать себе еще одного, куда более опасного врага, который легко может стереть любого в порошок.

– Когда с тобой случилась беда, мы просили главного инквизитора Арденау разрешить Братству действовать на землях маркграфа.

– Разве это в его власти – запрещать или разрешать?

– Конечно, нет. Но он связался с тем, у кого есть власть, там, в Риапано, и тот отказал. Мы пытались убедить, но он был непреклонен, хотя и высказал сожаление о нашей потере. Вопреки запрету мы отправили стражей, но братья-каликвецы остановили их и вежливо попросили не делать глупостей. Вернее, уже совершенно невежливо. За всеми, кто находился в Арденау, пристально наблюдали и даже перехватывали нашу почту. Так что по официальным каналам мы ничего не могли сделать. Без поддержки властей самостоятельно штурмовать Латку – занятие бесполезное. С нашими силами это невозможно, для такого штурма нужна целая армия. Так что пришлось воспользоваться услугами наемников, оплатив их работу через подставных лиц. Поверь, Братство не пожалело денег, мы наняли самых лучших, вытаскивавших пленников даже из застенков инквизиции, горных монастырей и княжеских подвалов. Но они пропали где-то в окрестностях замка маркграфа. Исчезли, словно черти утащили их напрямик в ад.

– Ну его милость сам был из этого ада. Душегубство, попытка убийства епископа, прости, уже кардинала, Урбана, сотрудничество с Орденом Праведности, сотни трупов и издевательство над стражами. Я рад, что теперь его рвут на части крюками, и надеюсь, никто не будет торопить приход Страшного суда, чтобы он успел достаточно настрадаться. Здорово, что ты догадалась попросить помощи у Софии.

– Я отправила ей весточку еще до того, как мы поговорили с главным инквизитором Арденау. Так что пророчица прибыла за тобой очень вовремя.

Я не стал ей говорить, что Софи опоздала. Гере совершенно ни к чему об этом знать.

– Кстати о ней, – прищурилась колдунья. – Что тебе сказали напоследок?

– В смысле? – прикинулся я идиотом, но получилось это у меня не слишком хорошо.

– Ты знаешь, о чем я. Об очередном из пророчеств, которые она порой выпускает в мир.

Что ты услышал на этот раз?

Я лениво зевнул, прикрывая рот ладонью:

– Какую-то бессмыслицу. На этот раз ничего интересного. Даже не думай.

– Людвиг ван Нормайенн! – отчеканила Гертруда, и ее глаза свирепо сверкнули. – Хватит юлить!

Я, понимая, что Гера не отстанет, закатил глаза к потолку:

– В новом пророчестве Софии нет ни одного слова «бойся» или «опасайся». Она сказала, что не видит моей смерти так, как видела ее раньше.

– Я даже с пристани, когда появилась твоя лодка, ощутила остатки ее магии в твоей крови, а это мешает разглядеть будущее, но смею надеяться, что она права.

– А что, появился серьезный повод беспокоиться за мою жизнь? – удивился я.

– Для тебя станет откровением, если я скажу, что постоянно за тебя беспокоюсь? – наклонилась она ко мне. – Сильнее тебя в неприятности умеет влипнуть только Львенок.

– С этим спорить не буду. Ты знаешь, где он сейчас?

– По слухам, где-то на юге. Кажется, в Дискульте. Кстати! Благодаря твоей помощи Карл выжил.

– Я рад. Если честно, боялся, что ему не удалось выбраться из подземелий. Надо полагать, он рассказал вам много интересного?

– Не то слово. Он был очень красноречив... эй!

Дверь распахнулась слишком неожиданно для нас, и моя рука нырнула под подушку, к кинжалу, а пальцы Геры вспыхнули, точно тлеющие уголья в костре, но человек, без спросу ввалившийся в комнату, воссиял улыбкой, показывая, что не вооружен.

– Рад вас видеть, стражи!

Он был невысок, хрупок, я бы даже сказал женственен. Плавные, мягкие, осторожные движения, приятное, гладкое, улыбочное лицо, живые ореховые глаза. Порой, по ошибке, его принимали за подростка, иногда (особенно спяну) за девчонку, обрядившуюся в мужскую одежду. Но первое впечатление часто обманчиво. Рансэ старше меня на четыре года, и он отнюдь не девчонка, особенно когда берется за клинок.

– Рансэ, тебя учили стучать? – мрачно поинтересовался я, убирая оружие.

– Так я вроде стучал... Разве нет? – Он притворился растерянным. – Дверь была открыта и...

– Клянусь моим даром, я сама заперла ее на ключ! – сказала Гертруда, гася магию.

– Ну по правде говоря, замок оказался пустяковым, а ваши лица были такими смеш... ай! Больно все-таки!

Незванный гость подскочил, словно его укололи иглой, и с укором посмотрел на колдунью.

– Убирайся к черту, иначе я действительно разозлюсь и превращу тебя в жабу! – прошипела Гертруда.

Она не шутила, и наш посетитель, ухмыльнувшись, выскользнул в коридор, подальше от неприятностей.

– Дверь закрой!

На миг вновь появилась ухмыляющаяся рожа, и створка захлопнулась.

– Раз он здесь, значит, работать мне придется с ним, – заметил я. – Если честно, я этому не рад.

– Только не говори, что вы не сходитесь характерами.

– Совершенно не сходимся. Он не приемлет компромиссов и излишне жесток.

– Но, признай, он неплохой страж и не самый худший из тех напарников, с которыми ты работал. К сожалению, Рансэ напомнил мне о времени. Пора ехать. Прости, что не можем нормально поговорить и побыть вдвоем.

– Ну время мы провели замечательно, – сказал я бодро, хотя и чувствовал печаль из-за того, что мы так быстро расстаемся. Я давно не видел Гертруду и очень скучал, но постарался, чтобы она не заметила моего огорчения.

Гера грустно улыбнулась, застегивая пуговицу на рубашке:

– Не знаю, что вы должны сделать, ребята, но я беспокоюсь. Прогансу рядом, и если вам придется пересечь границу, без нужды не рискуй. Поверь, если на той стороне узнают, что ты страж, будет гораздо хуже, чем в плену у маркграфа Валентина.

Я рассмеялся:

– Обещаю быть осторожным, чтобы ты не волновалась.

– Вот и замечательно. – Она постаралась выглядеть веселой, затягивая шнуровку на сапожке. – У меня для тебя подарок. Загляни в мою сумку. Передний карман.

Я выполнил ее просьбу и достал алую тряпицу:

– Вот это?

– Разверни.

Там было кольцо из трех полосок желтого, красного и белого золота, свитых между собой несложной спиралью, и украшенное рунами крапивы, толокнянки и руты.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Оно в точности как прежнее. Мне жаль, что то я потерял. Когда-нибудь спрошу за него с колдуна маркграфа.

– Если только я не найду его первым, – хищно и зло улыбнулась Гертруда.

Впрочем, эту гримасу было тяжело назвать улыбкой. Моя ведьма слишком мстительна, и к господину Вальтеру у нее вопросов не меньше, чем у меня.

Я надел кольцо на безымянный палец левой руки и приподнял брови, заметив, как руна крапивы на несколько кратких мгновений налилась светом.

– Такого раньше не было.

– Просто ты изменился, Синеглазый. Кольцо чувствует это и пытается подстроиться под нового тебя. Кстати, я добавила в него маленькую деталь.

– Какую?

– Теперь всегда буду знать, где ты находишься. Не возражаешь?

– Да нет. Здорово.

– Проводишь меня? – попросила она, и я предложил ей руку.

Гертруда уже давно скрылась за поворотом, а я все еще стоял на пустой дороге и слышал ее последние слова:

– Будь осторожен, Синеглазый. Пожалуйста, будь осторожен.

Как только она уехала, мое настроение тут же испортилось и появились мрачные мысли. Боюсь даже предполагать, когда я теперь смогу ее увидеть.

– Не печалься, Людвиг. С твоей ведьмой все будет хорошо.

Проповедник сидел на плетне, ссутулившись, вытянув голову на тощей шее, очень похожий на грифа-стервятника.

– Как поживает Пугало? – спросил я, вдыхая висящий в воздухе запах гиацинтов, оставшийся от нее.

– Все такое же. Дурной характер, отсутствие всяких манер. Не сказало мне даже здрасте, так что я послал его к дьяволу. Кажется, оно отправилось в комнату Рансэ.

– Проклятье! – подскочил я. – Почему не предупредил раньше?!

– А это важно?

Я побежал к постоялому двору. Посетителей в зале не было, лишь служанка стелила на столы свежие скатерти. Она вскрикнула и отшатнулась в сторону, когда я едва не сбил ее с ног, ворвавшись в дом. Влетев по лестнице и не зная, какая комната принадлежит стражу, я крикнул:

– Рансэ!

Из-за ближайшей ко мне двери раздалось нечто вроде утвердительного бульканья, и я ввалился в комнату, опередив ничего не понимающего Проповедника.

Страж лежал на полу, уткнувшись лицом в собственную шляпу со страусиным пером, а на его спине восседало невозмутимое Пугало, не обращая внимания на то, что жертва извивается и пытается встать.

Я облегченно перевел дух, одушевленный не хватался за серп, и в его поведении чувствовалась некая насмешка, а не желание убивать.

– Ты не мог бы слезть с него? – стараясь говорить спокойно, попросил я.

Пугало задумчиво повело головой, его плечи поникли, и оно неохотно встало с человека.

– Тяжелый, сукин сын, – Рансэ произнес первые осмысленные слова, и его красная физиономия постепенно начала принимать естественный цвет. – Поддай, пожалуйста, бутылку вина. Себе тоже можешь налить, если хочешь.

Он припал к горлышку, сделал несколько долгих глотков, так что его острый кадык заходил ходуном, затем вытер губы тыльной стороной ладони. Выдохнул:

– Ну ничего. В следующий раз я буду расторопнее, Соломенная башка. Посмотрим кто кого, когда я неожиданно ткну в тебя горячей палкой.

Пугало беззвучно рассмеялось и показало ему неприличный жест. Затем подумало и показало такой же задохнувшемуся от возмущения Проповеднику. Оно пребывало в чертовски хорошем настроении.

– Темный одушевленный, способный покидать предмет и путешествовать как цельная сущность. Однако. Не видал ничего подобного с тех пор, как вернулся из Сарона. Эта шутка не в твоём стиле, Людвиг. Зачем ты ко мне его отправил?

– Даже не думал. Оно само пришло с тобой познакомиться.

Рансэ встал, подошел к Пугалу, с интересом изучил идиотскую улыбочку садиста, хмыкнул:

– Как ты его приручил?

– У нас партнёрское соглашение, – уклончиво ответил я.

– Ты в курсе, что я должен доложить Братству, с кем ты водишь дружбу?

– А ты доложишь?

Рансэ хмыкнул ещё раз, поднял помятую шляпу, отряхнул ее:

– Насколько я помню, нам не рекомендовано связываться с одушевленными, если только мы не видим, что они сходят с ума от крови. Этот вроде достаточно адекватен, раз не перерезал мне горло. Так что сам с ним разбирайся. Мне надо с тобой поговорить.

– Давай поговорим.

– Прямо здесь не пойдёт. У меня приступ паранойи, а стены тут слишком тонкие и дырявые, чтобы доверять им тайны. Давай прогуляемся до реки.

Эта таинственность мне не особо понравилась, я позвоночником чувствовал грядущие неприятности.

Мы сели на пустой пристани, Рансэ поставил между мной и собой полупустую бутылку вина, Проповедник, которому было интересно все таинственное и секретное, держался поблизости и делал вид, что любитесь рекой, а Пугало, которое плевало на все секреты, отправилось бродить по осоке и пугать цапель.

– Мы отправляемся в Прогансу, приятель.

– Так я и думал, – мрачно проронил я. – Мне, как всегда, везет.

В отличие от Рансэ, родившегося в этой чертовой стране, я не испытывал к Прогансу никаких теплых чувств.

– Выше голову, Людвиг. Не все так плохо!

– Скажешь мне это, когда Носители Чистоты возьмут тебя крюком за лодыжку и потащат на четвертование. Какой тьмы мы туда собрались?

– Нас с тобой ждет Савранский университет – храм знаний, веселых студентов, запыленных книг и мудрых профессоров. Уверен, что ты всю жизнь мечтал его увидеть.

– Мне слишком поздно постигать академические науки.

– Магистрам плевать на твои знания. Отправиться туда – приказ Мириам.

– Так вот кого мне следует благодарить за это путешествие, – понимающе протянул я. – Она очень любезна, что помнит меня.

– Ты ведь был ее учеником?

– В прошлом. А почему выбрали тебя?

– Я сам вызвался, – беспечно сказал он, размахнувшись и швырнув пустую бутылку в Пугало.

То, не отшатнувшись, небрежно махнуло серпом, и посуда разлетелась на множество осколков. Одушевленный, кстати, совсем не обиделся на подобное обращение и продолжал шариться в осоке.

– Только не говори, что ты соскучился по своей родине.

– Моя родина любит меня примерно так же, как и всех остальных стражей, – усмехнулся он. – Но это не значит, что я должен отвечать ей взаимностью. Я хорошо знаю город, куда мы едем, и моя помощь будет не лишней.

Я нахмурился:

– Рансэ, между нами никогда не было особой дружбы. К чему тебе помогать мне?

– Тебе? – рассмеялся он. – Не весь мир сошелся только на тебе, ван Нормайенн. Я это делаю ради себя.

Я переглянулся с Проповедником:

– Самое время тебе рассказать, чего от нас хочет Мириам.

– Ты ведь знаешь, что раньше на месте Савранского университета находились архивы Братства?

– Я знаю, что там был один из наших замков, где собирались магистры. Про архивы не слышал.

– Об этом, как я понимаю, не любят говорить. После того как стражей выгнали из страны, большинство документов были уничтожены. Часть попала в королевскую библиотеку, часть осела у клириков в Риапано. Но закрытые архивы, так называемая Восьмая комната, как считается, уцелела. Она была хорошо спрятана, и ее не нашли. Замка давно нет. Его сровняли с землей, чтобы здесь от Братства не осталось никакой памяти. А на его месте отстроили университет. Как ты думаешь, на каком основании поднимали университетские стены? Первые его корпуса стоят на старых подвалах. Так что архивы никуда не делись, и именно там лежит то, за чем нас послали.

– Очень самонадеянно. – Я покачал головой. – Давай мыслить здраво. То, что архив не нашли, – лишь слухи. А даже если так, прошла уйма времени, и от книг могло ничего не остаться. Влага и крысы порой гораздо более жестоки, чем люди.

– Мириам уверена, что он уцелел.

– Но Мириам в Арденау, а нам надо ехать в Прогансу. Она не думала о том, что даже подвалы могли быть перестроены? Добавили новую стену, вырыли новый погреб, а то и вовсе замуровали входы и выходы.

Рансэ достал из-за ворота рубахи шнурок, на котором висела тяжелая серебряная монета с изображением орла – старый эсу, из тех времен, когда все стражи считали Прогансу своим домом:

– Это ключ. Он откроет секретную дверь в архив, если все осталось, как прежде. А если нет – мы уедем несолоно хлебавши, и на этом наша миссия завершится.

– Архив большой? Что конкретно мы ищем?

– Книгу. Обложка из красной кожи, с серебряными вставками, и замок с защелкой. На замке нарисован молот. Что в ней – меня не волнует.

Я лишь пожал плечами.

И я, и он понимали, что успех всего этого странного мероприятия зависит от множества очень ненадежных «если». Если описание верно. Если книга все еще в архиве. Если мы сможем проникнуть в него. Если мы его найдем... Если он вообще существует.

– Вы едете в полную неизвестность без всякой надежды на успех, полагаясь лишь на удачу и отдавая свою судьбу в руки людей, которые с радостью вас прикончат, как только узнают, кто вы такие, – высказался Проповедник.

– Целиком на твоей стороне, приятель, – отозвался Рансэ. – Но работа есть работа.

– Наша работа уничтожать темные души, а не угождать капризам магистров, – не согласился я с ним.

– Ну ты известен своим боданием с ними из-за любой глупости, – сказал страж, вставая. – Можешь не ездить, я все сделаю сам. А ты объясняйся с Мириам.

Проповедник скривился и начал вещать какой-то нудный отрывок из библии, но Рансэ попросил его читать проповеди где-нибудь в другом месте.

– Ну что, Людвиг? Ты со мной?

– С тобой. – Я принял решение. – Не бросать же тебя одного в этой дикой стране.

Пограничный пост Прогансу и почтовая станция, находящаяся при нем, оказались в крайне плачевном состоянии. Две юго-восточные провинции страны давно забыли свои лучшие времена – тракты пустуют и многие предпочитают добираться до северных областей через западные города герцогства Удадьн, чтобы не рисковать без нужды.

Вполне понятная предосторожность. После того как Братство в Прогансу стало вне закона, а Орден Праведности и Носители Чистоты справляются с нашей работой из рук вон плохо, темные души в этом регионе живут вольготно и при случае не прочь закусить путником.

– Кто, куда, откуда? – произнес капрал в заляпанном жиром мундире.

Мы были одеты наемниками южного Обернау. Таких ни с кем не спутаешь – короткие дутые штаны с тигровыми полосами, яркие рейтузы малинового цвета, темно-лиловые шапероны, и на кожаных куртках нашиты цветные ленточки разной длины.

– Сам, что ли, не видишь? – спросил у него Рансэ.

– Вижу. Только чего вам тут надо, никак не пойму. В Прогансу нет войны.

– Мы по приглашению герцога Авонского. Его отряду нужны опытные солдаты.

Капрал мрачно посмотрел на женственного стража. В его взгляде было неприкрытое сомнение, что тот вообще имеет боевой опыт.

– Бумаги есть?

Я протянул подорожную, выправленную на гербовой бумаге и украшенную настоящей печатью. Где Братство умудрилось ее достать, для меня было загадкой. Капрал кисло изучил ее, ковырнул ногтем указательного пальца, вернул обратно.

– Ты похож на альбаландца, парень. Ваших в моей стране не любят.

– Я из западного Бьюргона, – ответил я, меняя акцент. – Этих свиней и у нас не жалуют.

– Пять суо с каждого за въезд в страну, и можете проваливать.

Несколько медяков им на вино было не слишком большой платой, так что мы не стали возражать, и Рансэ, шевеля губами, отсчитал в потную ладонь солдата монетки.

– Лучше бы вам найти другую дорогу, – сказал нам капрал на прощание, убирая заработок в карман. – Тракт порядком заброшен и с осени неспокоен.

– Мы не боимся.

Он скривился, но уговаривать нас не стал. Счел, что раз мы такие идиоты, то это не его проблема.

Целый день мы ехали по пустой дороге, находящейся в отвратительном состоянии. Большинство мостов через овраги, ручьи и мелкие речушки почти развалились, и частенько приходилось спешиваться, брать лошадей под уздцы, для того чтобы перевести их на другой берег вброд.

– В этом году, похоже, были сильные паводки, – сказал Рансэ, следуя сразу за Пугалом, которое, в отличие от нас, не боялось замочить ноги. – Давно не случалось таких снежных зим.

Проповедник, крутившийся, как всегда, неподалеку, согласно заворчал.

– Я слышал о твоей истории с маркграфом Валентином. Его нашли на полу собственной спальни заколотым, точно свинью. Вполне заслуженная смерть для того, кто убивал стражей. – Мой спутник выбрался на берег, вылил из сапог воду. – Молодец. Уважаю. А вот клирики – уболюдки. Они когда-нибудь заплатят за то, что отказались помогать нам.

Несмотря на свою внешнюю мягкость, Рансэ был жестоким и мстительным. Это я помнил еще со школы и старался общаться с ним как можно меньше, предпочитая дружить с людьми несколько иного склада.

– Тебе повезло, что мы одни. Обязательно найдется тот, кто настучит инквизиции, – сказал я, пытаясь справиться с запрямившейся лошастью.

Ореховые глаза на мгновение задержались на мне, и он не без веселья сказал:

– О, не беспокойся. Святой официум уже задавал мне вопросы, и я смог убедить их в том, что добрый христианин. Что касается моих слов, ты же не будешь отрицать, особенно после случившегося, что святые отцы знали об открытии на нас сезона охоты? Те из братьев, кого мы считали без вести пропавшими, гнили в замковых подвалах маркграфа, возможно, годами. Но клирики не сообщили нам и ничего не сделали, чтобы кого-нибудь спасти.

– Осталось понять причину их поступка.

– Ну кроме банального – я не знаю, зачем им это было нужно, – ничего сказать не могу.

Я же подумал о том, известно ли было клирикам, что его светлость собирал кинжалы с сапфировыми рукоятками? И догадывались ли они, как он собирался с ними поступить в дальнейшем? Насколько маркграф был в своем уме и насколько верил в то, что говорил? Возможно ли вообще воплощение в жизнь задуманного им – извлечь силу, заключенную в темных клинках, и обратить ее в бессмертие?

Не знаю.

К вечеру дорога была так же пуста, как и утром, а несколько хуторов, через которые нам довелось проехать, стояли заброшенными.

– Уроды, мать их! – зло бросил Рансэ. – Проклятые ослиные задницы! Посмотри, во что они превращают мою страну! Смотри, какая земля! Какие поля! Да здесь урожаи лучше, чем в других провинциях! А виноградники? Какое вино делали! Изысканнее, чем в Каварзере! И что теперь? Все уничтожено из-за тех, кто не пускает нас сюда. Земля заброшена и разорена, потому что фанатики могут лишь языком чесать, очерняя таких, как мы. Они не умеют побеждать темных. Посмотри, Людвиг, во что превратился юг Прогансу. Словно здесь прошла эпидемия юстирского пота, и все вымерли. А...

Он махнул рукой, проклиная недоумков, повздоривших с Братством.

Край был покинут, хотя, как мне показалось, – у страха глаза велики. Ни в первый, ни во второй день пути мы не видели ни одной темной души.

Но люди ушли – и их место заняли иные существа.

Мы встретили искровика в поле, ухающего, точно филин, и машущего нам четырьмя черными руками. Пятерых скирров, выбравшихся из-под земли, чтобы забраться на ближайшую мельницу и украсть из нее тяжеленный жернов, который теперь они едва-едва тащили, грубо сквернословя и брызгая слюной. Лохматого ожегуя, отливавшего в кустах, и прочих представителей разношерстного племени, которые совершенно не стоили того, чтобы их упоминать.

К полудню третьего дня пути на дорогу выбрался матерый кабан, клыки и глаза которого пылали бирюзовым пламенем, а восседавшая у него на загривке обнаженная девочка имела крайне отталкивающий вид. Тощая, с бритым черепом, верхняя часть которого отсутствовала, словно ее снесла мушкетная пуля. Над окровавленной дырой клубился темно-синий дым, а из уголков оскаленного рта все время сочилась черная кровь.

– Визаган, заberi его Вельзевул, – тихо произнес Рансэ, глядя куда-то поверх головы всадницы.

– Чего тебе? – спросил я у иного существа, вытаскивая из седельной сумки пистолет.

Как и мой спутник, я не спешил смотреть ей в глаза, изучал придорожные лопухи, отмечая местонахождение визагана лишь уголком зрения.

– Люди ушли, – мерзко просипел «ребенок», вцепляясь ручонками в жесткую кабанью шерсть. – Моя земля. Мои поля. Мой лес. Земли моих предков снова без смрада человечины.

– Пусть так и остается, – равнодушно ответил ей Рансэ. – Мы едем своей дорогой. Ты и твои земли нам неинтересны.

Она хищно зашипела, и страж, следуя моему примеру, достал пистолет.

– Ты знаешь, кто мы.

– Знаю. Убийцы тьмы!

– Тогда должна знать, что мы, в отличие от других, так просто не сдадимся. Иди с миром, пока не поздно.

– Весь ваш род проклят. Когда-нибудь вы сгинете, и вся земля, вода и даже небо будут моими!

Она не стала с нами связываться, и кабан, подчиняясь ее приказу, тяжелой поступью направился к лесу.

– Надо было ее все-таки пристрелить, – с ненавистью произнес Рансэ, когда опасность миновала.

– Ну ее мы, положим, отправили бы в ад, а с кабаном что делать? Здесь нужно хорошее копье, а не шпага. Он бы прикончил лошадей, а при удаче – и нас. Ну ее к черту, – сказал я.

Визаганы – одни из самых мерзких и агрессивных тварей. Людей они любят только в виде обеда на своем столе, в особенности если тот, с кого срезают мясо, все еще жив. К тому же их странная магия подчинения, стоит лишь посмотреть им в глаза, еще та головная боль, когда ты пытаешься противостоять им.

– Ты прав, – вздохнул Рансэ. – Давай поедem быстрее, пока ненависть не заставила гниду забыть об осторожности.

Вновь начались заброшенные деревни с запущенными виноградниками и фруктовыми садами, которые совсем недавно отцвели.

– Ты здесь бывал? – спросил я у Рансэ, видя, как он безошибочно привел меня к колодцу.

– Неоднократно, – кивнул он, вращая ворот. – Это самая короткая дорога в Руже. Остановимся на ночевку здесь.

– Стемнеет только через два часа.

– Дальше пойдут неприятные места, и я хотел бы проехать их при свете дня, а не в сумерках или того хуже – ночью.

– Боишься не справиться с темными душами? – откликнулся Проповедник, который до этого, перегнувшись, смотрел на дно колодца, где маслянисто плескалась вода.

– Да, боюсь, говорливая душа.

Я кивнул:

– Ладно, давай остановимся здесь. Этот дом нам подойдет. Он кажется вполне целым, к тому же ворота на месте, можно запереть на ночь.

– Проверь его, а я пока нарисую вокруг парочку *фигур* на всякий случай.

В сенях валялась опрокинутая лавка и было очень темно, а в единственной комнате, углы которой затянуло паутиной, пахло сыростью, пылью и гнилым луком. Окна оказались разбиты, и дешевое, непрозрачное стекло валялось на потемневших досках, старая лежанка сломана, стол перевернут набок. То ли хозяйева уходили в спешке, то ли мы не первые постояльцы, и здесь уже кто-то успел побывать до нас.

Люк погреба оказался распахнут, что меня сразу же насторожило. Внизу властвовала кромешная темнота. Я прислушался – ни шороха, ни звука. Пугало, забравшееся в дом вместе со мной и проверявшее глиняные крынки, покосилось на меня, подошло к краю, прыгнуло вниз, пошуровало там, что-то с грохотом уронив, и, разочарованное, выбралось наверх. Никого. Тем лучше. Я опустил крышку и задвинул щеколду, а затем, немного подумав, притащил из сеней лавку, одним концом уперев ее в пол, а другим – в низкий потолок, на тот случай, если кто-нибудь все-таки полезет, и щеколда не поможет.

– Сделано, – сказал Рансэ, втаскивая обнаруженную в сарае вязанку хвороста.

Пока он неспешно разводил огонь, я расстелил свой шерстяной плащ на полу и начал раскладывать имевшуюся у нас еду. Пугало забралось на чердак и теперь шуршало у нас над головой, пугая мышей и мелочью из иного народа.

В сумерках объявился Проповедник, заглянул в комнату через окно и недовольно провозгласил:

– Людвиг, я едва не угодил в вашу *фигуру*. Мог бы и предупредить!

– Она для тебя неопасна. – Рансэ подбросил хвороста в очаг. – Иначе ты бы уже не мог выражать свое неудовольствие.

– И не сказал вам, что видел темную душу.

– Далеко? – поинтересовался я.

– Не близко. Выползла на дорогу, после того как вы там проехали.

– За нами не идет?

– Нет.

– Ну и бес тогда с ней, – не поднимая головы, произнес Рансэ. – Не возвращаться же ради нее. Людей поблизости все равно нет, так что ей пожить будет нечем.

Мы поужинали, и лицо у Рансэ было усталым и мрачным, никакого намека на прежнюю живость. Проповедник сидел возле очага, едва не сунув голову в пламя, наблюдал за пляшущими огоньками и на память читал Евангелие от Иоанна, но так тихо, что я едва мог различить отдельные слова.

Далеко-далеко в ночи завывали волки. Я вышел на улицу, проверил, в порядке ли наши лошади, постарался их успокоить. Сюда зверье не полезет – скоро лето, еды вокруг полно, но на всякий случай мы все-таки заперли хлипкие ворота, подперев их бревном.

Двор был темен и пуст, во всяком случае, так мне показалось на первый взгляд. Затем во мраке, у входа в сарай, вспыхнули маленькие желтые глазки.

– Человек, – с ужасным акцентом произнес неизвестный, который, судя по всему, не отличался большим ростом, – хочешь, за лошадами присмотрю?

– Дай мне тебя рассмотреть, – сказал я ему.

Он неохотно выполз на более светлый участок двора. Это был домашний дух, как называли иных существ из этого племени. Небольшой, величиной с ботинок, с гротескной головой, обезьяньим личиком, покрытый желтоватой шерстью.

– А умеешь?

Он кивнул:

– Раньше, когда здесь жили ваши, присматривал. Это теперь все ушли, и я без дела.

– Что хочешь за работу?

– Мне бы хлебушка, – неуверенно ответило иное существо. – Давно его не пробовал.

Я сходил в дом, взял ломоть хлеба, отломил кусок копченой колбасы и, отрезав сыра, вернулся во двор.

– Спасибо, – сказал дух, принимая плату, которая должна была насытить его на неделю вперед. – Все сделаю.

– Кого-то из иных решил задобрить? – поинтересовался у меня Рансэ, когда я вернулся в комнату.

– Да. Он присмотрит за лошадьми.

Страж согласно склонил голову, и я спросил:

– Как мы проникнем на территорию университета?

– Это легко. Гораздо сложнее шарить по подвалам и обстукивать стены. Такие вещи всегда привлекают внимание. Два самых старых корпуса расположены в парке. В них и будем искать.

– Дурацкий план, – оценил Проповедник.

– Иного у нас все равно нет.

– Чудесно. – Я потерял глаза. – Так как мы попадем в университет?

– Я неплохо фехтую, и меня уже приняли на должность маэстро для младших курсов. Есть дело и для тебя.

– Вы понимаете, что в Сен-Сеноше вами обязательно заинтересуются Носители Чистоты? – Проповедник крутил головой, как ворона на шесте, и только что не хлопал крыльями, чтобы пугать нас.

– Как повезет, – не согласился я с ним. – Если бы каждый раз они ловили стражей, оказавшихся на территории Прогансу, Братство давно бы опустело.

– Но ведь иногда-то ловят.

– Именно поэтому нам не стоит совершать ошибок.

– Совершенно верно, – согласился со мной Рансэ.

Он достал из сумки трубку, раскрыл кисет, и в этот момент с чердака спустилось Пугало. Рансэ с рассеянным прищуром посмотрел на одушевленного, внезапно улыбнулся и окликнул:

– Эй, Соломенная голова!

Пугало обернулось, и страж, превратив табак в множество парализующих *знаков*, швырнул их в солдатский мундир. Вспышка темно-фиолетового света заставила Проповедника взвизгнуть от неожиданности.

Знаки лишь на несколько секунд ослепили Пугало, хотя на деле должны были уронить его на землю и оглушить. Но Рансэ и этого хватило. Он подскочил к одушевленному, завладел его серпом, приставив острое лезвие к шее страшилы.

– Пресвятая Дева Заступница! – проскулил Проповедник, ошеломленный произошедшим. – Людвиг, сделай же что-нибудь!

Я не видел причин вмешиваться в эту возню, Пугало не было обозлено.

– Вот теперь, приятель, мы в расчете, – после недолгой паузы с улыбкой сказал Рансэ, возвращая серп владельцу.

Было такое ощущение, что Пугало усмехнулось. Оно протянуло костистую руку к стражу, но в последний момент отказалось от идеи покровительственно потрепать человека по плечу, убрало серп за пояс и бесшумно выбралось в окно.

– Что это было? – мрачно произнес я, ложась на плащ.

– Налаживаю контакт, – пожал плечами Рансэ. – Как видишь, получается неплохо.

– Ты о том, что оно не стало выпускать тебе кишки, когда твой кинжал спрятан на дне твоей сумки? Да, вполне неплохо.

– Не думал же ты, что я забуду о том, как он бесцеремонно восседал на мне несколько не самых приятных минут в моей жизни? Пусть знает, что я такое никому не спущу. Даже одушевленному.

Страж закурил, а я лишь ругнулся про себя. Рансэ всегда был таким. Если его били, он не успокаивался до тех пор, пока не отвечал своему обидчику той же монетой. Иногда он напоминал мне бойцовского пса из Ньюгорта. Если пнули, то до гроба этого не забудет, несмотря на кажущуюся любезность. Подгадает момент и оторвет ногу.

– В следующий раз оно тебя подвесит вниз головой, – сказал из угла Проповедник. – Как пить дать подвесит.

Рансэ беспечно отмахнулся и отправил к потолку целое облако едкого дыма.

Я открыл глаза перед рассветом, когда мир насыщен яркими запахами, посеребрен густой росой и застыл в ожидании утренней дымки. В доме властвовал полумрак, предметы походили на черных призраков, и лишь окно неярким квадратом светилось на фоне неба, ловящего первые солнечные лучи.

Приподнявшись на локте, я увидел Проповедника, торчащего возле погасшего очага. Он встретился со мной взглядом и покачал головой.

Рансэ все еще спал, завернувшись в одеяло. Я не стал его будить, встал, набросил куртку на плечи, подхватил сапоги и, распахнув дверь, вышел на улицу.

Пугало, сгорбившись, сидело на крыльце, меланхолично точа серп. В мою сторону оно даже не повернулось. Я обулся и отправился посмотреть, что с лошадьми. Они были накормлены, напоены и вычесаны – домашний дух отработал еду на славу. Его нигде не было видно, но я все-таки сказал «спасибо» в пространство, надеясь, что меня услышат, и вернулся к крыльцу. Одушевленный, не прекращая работы, подвинулся, давая мне возможность присесть, и мы вместе встретили рассвет одного из последних весенних дней.

Мне было хорошо, я наслаждался свежестью утра и запахами, которые ветер приносил с цветущих полей, и, немного отойдя от сна, замурлыкал песню. Пугало воззрилось на меня во все глаза. В нашей компании почетное звание бездарного певца с гордостью носит Проповедник, а тут получалось, что я отбираю у него лавры.

Так мы и сидели, пока окончательно не рассвело. Я напевал, оно точило серп.

Сквирр, сквирр, сквирр – серый точильный камень со скрежетом проходил по лезвию, и без того гладкому и острому.

Тогда, после Латки, одушевленный порядком искупался в моей крови и за время моего отсутствия никого не прикончил.

– Хочу тебе сказать спасибо за то, что вытащил меня.

Пугало перестало водить точильным камнем по серпу, важно кивнуло, принимая благодарность. Остается надеяться, что оно не станет требовать в качестве оплаты своей доброй услуги мою душу или еще что-нибудь более банальное.

Дождь зарядил сразу после того, как мы покинули приютившую нас на ночь деревню. Едва первые капли упали с неба, Пугало сошло с дороги и село под ближайшее раскидистое дерево, всем своим видом показывая, что не сдвинется с места, пока погода не наладится.

– Эй! – заорал ему Проповедник, сквозь которого пролетали дождевые капли, не причиня никакого вреда. – Ты не можешь намочнуть, дурачина!

Но Пугало лишь сильнее нахлобучило шляпу на свою раздутую голову.

– Ну и черт с тобой! Тоже мне неженка нашелся! Чего это с ним, Людвиг?

– Дождь ослабляет одушевленных. Смывает с них силу, заставляет ее впитаться в землю.

– Раньше оно никогда не обращало внимания на слякоть. Вспомни, той осенью плевать хотело на дождик.

– В последние дни оно несколько не в форме, и сил у него осталось не так много. Ему пора на ржаное поле.

– Не беспокойся, – сказал Рансэ Проповеднику. – Оно нас нагонит.

– Беспокоюсь? Я? Вот еще! Да толку от него, как от монашки, не желающей нарушать обеты.

Рансэ улыбнулся этой аналогии, раскрыл седельную сумку и достал длинный плащ. Я сделал то же самое.

Старый пеликан затянул «Christus resurgens»⁹.

– Несколько запоздал. Пасха давно закончилась, – поддел его Рансэ из-под капюшона.

– А песня осталась. Не пропадать же ей.

Впрочем, ему не пришлось ее допеть. С небес ливануло так, что Проповедник лишь чертыхался, несмотря на то что он был единственным, кто оставался сухим.

За следующие часы мы трижды видели на промокших полях темные души. Одна, поняв, кто мы такие, бросилась прочь, зато другая, наоборот, кинулась на нас, и пришлось отпугнуть ее *знаком*. Воистину, тем стражам, кто хочет накопить себе немного жизни, следует приезжать на охоту в Прогансу.

⁹ Пасхальный гимн.

Дождь был обложной, бесконечный, унылый и серый, словно Проповедник в свой худший из дней. Я мечтал о крыше над головой и подогретом вине, стараясь помнить, что скоро лето и до осени, которая сейчас как будто была вокруг нас, еще очень далеко.

Ехали мы тяжело, дорогу развезло, и лошади быстро устали. Рансэ несколько раз вставал на стременах, обтирал рукой лицо от воды, льющей в глаза, несмотря на капюшон.

– Животные нервничают, Людвиг.

– Заметил, – глухо произнес я.

Серая стена воды, плотная сизая дымка, ползущая над полями, снижали видимость, затягивали дорогу, и мне уже несколько минут чудилось, что там, впереди, а возможно и сзади, кто-то есть.

– Проповедник, сходи посмотри, что там, – попросил я, когда лошадь подо мной в очередной раз испуганно всхрапнула и отшатнулась в сторону.

– Еще чего! – трусливо возразил он. – И не подумаю! В такое время и в таком месте, если начать искать, можно найти даже Вельзевула. Совсем чертовы лягушатники страну запустили! Под каждым пеньком теперь темная душа живет!

– Я тоже, между прочим, отношусь к чертовым лягушатникам, – напомнил ему Рансэ.

– Если ты считаешь, что я должен устыдиться своих слов, то этого не будет! Никуда не пойду! Хоть режьте!

– Зачем ты таскаешь с собой этого субъекта, Людвиг? – вздохнул страж. – От него толку куда меньше, чем от моих старых дырявых башмаков.

Я показал Проповеднику, что гневную отповедь он может оставить при себе, у нас и так, судя по всему, проблемы.

– Будем продвигаться, пока сможем.

– Согласен. Твое Пугало оказалось право и, в отличие от нас, не полезло на рожон. Проклятый дождь может затянуться на целые сутки. До Воинов Константина еще часов шесть по такой погоде, а мне бы хотелось оказаться рядом с ними засветло.

Он выехал вперед, на ходу создавая на левой ладони массивный, отливающий бронзой знак, очень похожий на литеру «G».

Мы миновали деревню, где дома давно сгнили и грудой старых бревен лежали на земле, опушку мрачного лесного массива, проехали вдоль разлившегося ручья по начинающемуся расплзаться от воды заброшенному тракту – все дальше и дальше на север. Настроение лошадей постоянно менялось. То они шли спокойно, то начинали тревожиться и упрямиться.

– Ох, не нравится мне это, – постоянно повторял Проповедник. – Ох не нравится.

Хотя уж у кого у кого, а у него вообще не было причин для переживаний.

Я, как и Рансэ, не сидел сложа руки и неспешно наращивал на пальцах правой руки *знаки*. Когда три острых, конусовидных символа уже были закончены, страж, посмотрев на них, с некоторой долей уважения сказал:

– Это нечто новенькое. Интересная идея.

– Подсмотрел у одного знакомого окулла.

Рансэ цокнул языком:

– После того, что рассказал Карл, слухи о ваших приключениях ходят дичайшие. Для кое-кого из молодежи вы – уже легенда.

– Всего-то надо было посидеть в тюрьме несколько месяцев. Надеюсь, он приврал достаточно для того, чтобы мы выглядели настоящими героями?

Ответом мне был смех:

– Поверь, уж он постарался. Но я хотел бы знать, что там в действительности произошло.

– С радостью потешу твое любопытство, как только появится такая возможность. К примеру, когда на столе будет стоять пара бутылок хорошего вина и блюдо с тушеными лягушачьими лапками.

– К черту лапки! Будем есть хорошее мясо в гранатовом соке, шпинат в сливках и виноградных улиток, фаршированных сыром «Бером» и луговыми приправами.

– Заметано. Осталась лишь малость – добраться до приличного трактира.

– Но хватит о еде, иначе мой живот умрет с тоски. Возвращаясь к твоим приключениям, хочу сказать: мне жаль, что нельзя прищучить Орден. Магистры сколько угодно могут подавать протесты князю Фирвальдена, но все без толку. У них есть лишь слова – Карла и твои. Этого слишком мало.

– Надо думать, того господина в алом шапероне, что встретил меня с колдуном марк-графа, среди законников никогда не было.

– Вот именно. И найти его не получилось.

А вот здесь нет ничего удивительного. После Пугала найти хоть что-то иногда очень тяжело.

– Ордену, правда, удалось доставить некоторые неудобства. Говорят, в кое-каких странах у них серьезные неприятности из-за того, что местная власть перестала оказывать им поддержку и финансирование. Князьки, царьки и бургомистры не желают ссориться с клириками, а те все еще помнят темную историю с епископом Урбаном, где промелькнули законники.

– Я начинаю думать, что все не так уж и плохо, – ответил я из-под капюшона, наклоняя голову, чтобы вода не попадала на лицо. – Раз мы с Карлом настолько слабые свидетели, значит, никто не будет утруждать себя тем, чтобы нас прикончить.

Он усмехнулся:

– Раскрой секрет. После того как ты выбрался из Латки, где пропадал несколько месяцев?

Никто, кроме Гертруды, не знал, что я торчал в Темнолесье, и я не собирался трезвонить об этом на каждом углу, поэтому лишь выразительно посмотрел на него, и он сразу уловил суть:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.